

Искусствоведение и культурология

УДК 002.2(09) + 096.1
ББК Ч103(2)

ТВОРЧЕСТВО КНИГОПИСЦЕВ И ХУДОЖНИКОВ-ЗНАМЕНЩИКОВ БРАТЬЕВ БАСОВЫХ (1580—1630-е гг.)

Н. П. Парфентьев

Творчество древнерусских знаменщиков — художников рисунка — чаще всего растворялось в сложных произведениях, требующих участия иных мастеров. Об уровне мастерства рисовальщиков можно судить прежде всего по памятникам книжности. Статья посвящена деятельности братьев Басовых, работавших на заказ и создававших подлинные шедевры книжно-рукописного искусства.

Ключевые слова: древнерусское книжно-рукописное искусство, творчество знаменщиков и книгописцев, Стефан Басов, Фёдор Басов, Гаврила (Иван) Басов.

В произведениях древнерусского искусства, требовавших участия представителей различных художественных профессий, творчество этих мастеров внешне чаще всего оставалось незаметным. Речь идет о мастерах, именовавшихся «знаменщиками». Например, создание сложных «лицевых» и орнаментальных композиций для произведений золотного шитья или иконописи требовало привлечения художников, которые исполнили бы рисунок сначала на бумаге. Затем эти художники «знаменили», переносили рисунок на материал (ткань, доску), после чего к делу приступали прочие мастера или мастерицы. Сам рисунок, иногда очень детальный, сложный, постепенно скрывался под слоями нитей вышивальщиц или под красками иконников. В приказных документах встречаются также упоминания о работе знаменщиков по перенесению на бумагу старых росписей храмов перед нанесением на стены нового письма, по созданию украшений для предметов царского быта, мебели. И, конечно, нельзя не указать на участие знаменщиков в создании настоящих шедевров книжно-рукописного искусства и книгопечатного дела.

Исследователями о роли знаменщиков в книжном деле упоминается не часто. Как правило, считается, что украшающие древние книги заставки, инициалы и прочие художественные элементы создавались самими писцами или печатниками. Мы почти не встречаем попыток выяснить, был ли тот или иной печатник одновременно художником-знаменщиком и мастером-резцом, изготавливавшим клише. Нашедшая отражение в документальных источниках более поздняя практика (XVII в.) показывает, что обычно это были разные люди. Конечно, уровень воплощения рисованного изображения во многом зависел и от таланта резчика, что отчетливо проявляется, например, в копиях одних и тех же заставок в изданиях разных лет. Отношение к работам знаменщиков как к своего рода вспомогательным, способствовало и тому, что имена этих художников становились известными крайне редко. Поэтому выявление каждого имени мастера рисунка, восстановление фактов его жизни и деятельности представляют несомненный интерес для истории отечественной культуры.

В научной литературе издавна разрозненно упоминались имена мастеров книжно-рукописного искусства Стефана Басова, переписавшего для Н. Г. Строганова книгу Пролог [1, № 323; 2, с. 186, 218], Ивана Басова, написавшего и украсившего Евангелие [3, с. 158], Фёдора Басова, участвовавшего в написании строгановского Книгописного подлинника [4, с. 127; 5, с. 37; 6, с. 684—699], Гаврилы (по прозвищу «Иванка») Басова [7, с. 497]. Однако наиболее полные представления о деятельности этих книгописцев и художников были получены после того, как Т. В. Анисимова объединила сведения о них и выявила целый ряд выполненных ими ранее не известных рукописных книг. Публикуя результаты своих поисков, она объявила братьев «московскими писцами», работавшими «в одной из центральных книгописных мастерских» и мастерской Чудова монастыря [8, с. 587—608]. Данные, изложенные Т. В. Анисимовой, нами были систематизированы, представлены в виде таблицы и дополнены сведениями об оформлении мастерами певческих книг. В общем историческом контексте мы увидели несколько иную картину деятельности этих мастеров [9, с. 43—62]. Позже появилась ещё одна статья Т. В. Анисимовой, посвящённая вновь выявленным рукописям братьев, в которой основное внимание уделено памятникам книжности, созданным Гаврилой (Иваном) [10, с. 264—277]. Наше новое обращение к творческой деятельности Басовых связано с необходимостью обобщить имеющиеся данные, уточнить и дополнить их.

Напомним, что наиболее ранние сведения о появлении Басовых в Москве относятся к середине 80-х гг. XVI в. О месте происхождения братьев свидетельствует одно из книжных послесловий. Согласно ему, «Иван» Сергеев сын Басов в 1593—1595 гг. в Твери по заказу некоего горожанина И. Г. Репьева¹ переписывал для местной церкви книгу *Евангелие*, отметив, что писал её «под своим кровом близ дому

¹ Т. В. Анисимова указывает, что заказчиком был «князь» Иван Григорьевич Репнин [8, с. 606]. Однако книгописец, указав фамилию заказчика «Репьев», не назвал его чин, что было бы немислимо, если бы он был князем. В родословной князей Репниных мы не обнаружили представителя рода с указанным именем.

Рис. 1. Евангелие. Украшения и письмо Гаврилы (Ивана) Басова (ГИМ. Муз. № 3441. Л. 238)

своего» [11, л. 526]¹. Речь идет, очевидно, о «крове» Гаврилы (Ивана) близ родительского дома, где братья родились и выросли.

По социальному статусу семейство Басовых могло принадлежать к посадской среде. В соответствии с установленным в ту эпоху «заповедным» порядком посадские дворовладельцы как налогоплательщики не могли отлучаться от места своего проживания, что не распространялось на их детей и братьев. Однако возможен и иной вариант происхождения братьев Басовых, который нам представляется даже наиболее вероятным — происхождение из среды церковнослужителей, более свободных в своих передвижениях. Относясь именно к этой среде, братья с юных лет могли пользоваться церковными книгами, обучаться грамоте и книжному письму, которыми они в совершенстве овладели. На эту же среду указывают свободное владение ими книжным языком, постоянное именование себя «многогрешными».

Исходя из всех известных на сегодня данных, а также содержания и характера послесловий к книгам можно предположить, что старшим из братьев был Стефан. Гаврила очень скоро из Москвы вернулся в Тверь, где, возможно, обзавелся своей семьей и возвел собственный «кров» рядом с родительским. Его искусство книгописания в то время было не достаточно высоким, по сравнению с искусством хорошо сработавшихся и оставшихся в Москве братьев Стефана и Фёдора. Полагаем также, что имя Иван было дано ему при рождении, но при крещении оно было заменено на имя Гаврила (Гавриил) и сохраня-

¹ См. также в конце данной статьи: табл. 1, № 11.

Рис. 2. Евангелие. Украшения и письмо Гаврилы (Ивана) Басова (ГИМ. Муз. № 3441. Л. 382)

лось в качестве «прозвища» в домашнем обиходе и среди знавших его жителей Твери. Существование двойных имен в те времена не было редкостью.

Как мастера книжного дела братья, скорее всего, сформировались у себя в Твери. Совместные занятия по каллиграфии позволили им выработать чрезвычайно близкие почерки, границы которых, в случае потетрадного написания ими одной книги, не должны были резко проявляться. О совместном обучении говорит и то, что и оставшиеся в Москве братья, и Гаврила-Иван в Твери в качестве образца для послесловий к переписанным книгам использовали один источник — послесловие Петра Мстиславца к Евангелию, отпечатанному в 1575 г. Учебным образцом по рисованию заставок и инициалов для братьев прежде всего послужил московский Апостол Ивана Фёдорова 1564 г. В написанном Гаврилой тверском Евангелии, как и в рукописях Стефана и Фёдора, в изображении книжных украшений отчетливо прослеживается влияние этого издания (рис. 1), а также Евангелия «анонимной» типографии, опубликованного около 1555 г. (рис. 2) [ср.: 12, № 62 и № 3].

Для изображения евангелистов Гаврила использовал различные источники². Евангелист Матфей (л. 9 об.) помещен художником в дворцовый интерьер, в котором был представлен царь Давид на гравированном фронтисписе Псалтыри П. Мстиславца (Вильно, 1576 г.). Сохранено даже изображение

² Т. В. Анисимова считает, что все миниатюры, кроме Иоанна, «скопированы» с гравюр Евангелия П. Мстиславца 1575 г. [8, с. 606]. Но это не соответствует действительности.

струнного музыкального инструмента, висящего справа на стене. Копии этого изображения Давида, но в более высокой технике исполнения, мы найдем и в книгах, но Псалтырях, других братьев. Для интерьеров (сень с колоннами) евангелистов Марка и Луки (л. 148 об., 237 об.) образцом, видимо, стали элементы разных книжных миниатюр (рис. 3). Наконец, евангелист Иоанн с сопутствующим ему Прохором (л. 381 об.) помещены среди гор, и миниатюра более напоминает прорись иконы. Уровень исполнения миниатюр нельзя назвать высокохудожественным, особенно им навредила подкраска (киноварь, зеленая акварель, золото). То же в полной мере можно отнести и ко всем элементам художественного убранства книги. Написано тверское Евангелие очень крупным полууставом (как напрестольное), что особо выделяет почерк Гаврилы-Ивана среди почерков братьев, писавших в основном средним и мелким скорописным («беглым») полууставом.

Как видим, в ходе обучения Басовым были доступны печатные издания разных лет. Занятия по срисовыванию из книг заставок, инициалов и других украшений в будущем позволило братьям, используя одни и те же элементы «старопечатного» орнамента, создавать новые варианты этих украшений, что могли себе позволить не копиисты, а подлинные художники, мастера рисунка (знаменщики), в совершенстве овладевшие техникой и стилем и имевшие «от Бога... дарование».

Владея искусством книжного письма, братья Стефан, Фёдор и Гаврила-Иван, отправились в Москву. Здесь они образовали своеобразную артель, выполняя заказы разного чина людей.

Гаврила в 1585/86 г. для московского жителя Деомиды Дементьева переписывал *Псалтырь с воследованием* (табл. 1, № 1). Исследователями отмечается необыкновенная «схожесть» его почерка с почерком Стефана. Действительно, почерк Гаврилы в начале книги выделяется как несколько изменённый. Видимо, книгописец старался копировать более вертикально вытянутые и компактно расположенные буквы почерка писца протографа. Затем письмо становится всё более твердым и небрежным, переходя в собственный почерк мастера, имеющий много общего с почерком Стефана. Но в целом почерк Гаврилы имеет свои особенности, отличающие его от почерков и Стефана, и Фёдора. Однако в конце книги именно Стефан от имени Гаврилы вписал послесловие (на основе послесловия П. Мстиславца к Евангелию 1575 г., которое и впредь он будет использовать)¹.

Интересно, что фронтиспис «Царь Давид», заставки и инициалы в рукописи Псалтыри (за исключением на л. 3), переписанной Гаврилой, находят чрезвычайно близкие аналогии с такими же элементами в выполнявшейся одновременно следующей книге.

Заказ на её написание в 1586/87 г. был получен от другого московского жителя Стефаном. Он принялся переписывать сборник — *Псалтырь с воследованием и Апостол* — для «мужа того же преименитого и

Рис. 3. Евангелие. Миниатюра «Евангелист Лука». Гаврила (Иван) Басов (ГИМ. Муз. № 3441. Л. 237 об.)

славнейшаго града Москвы именем Ондрея Шокина» (табл. 1, № 2). На помощь Стефан призвал своего брата Фёдора. В послесловии он напишет, чтобы читатели книги помнили не только его, но и «брата моего по плоти Феодора, помогающего ми, писавшаго травы: не печатию печатах, ни кистию, но всяка травка пером и чернилы писаны, понеже от Бога бо есть дарование, не от человек учение» [см.: 8, с. 597]. Из этого текста следует, что помощь Фёдора заключалась именно в «писании трав», то есть заставок, инициалов и прочих украшений в книге. Хотя весь комплекс рукописей братьев свидетельствует, что все они «писали травы» (их также называли «фряжскими травами»), те самые украшения в стиле «старопечатного» орнамента, которые издавна привлекают внимание исследователей. Причем Фёдор постоянно совершенствовал своё искусство без учителей, самостоятельно, обращаясь, видимо, непосредственно к лучшим книгопечатным образцам.

Во всей рукописи сборника украшения выполнены одной рукой — рукой Фёдора Басова. В этот период его работа уже отличается высоким мастерством. Он, правда, ещё часто обращается к копированию заставок из московского Апостола Ивана Фёдоровова 1564 г. (см. табл. 2), но обилие украшений в книге и стремление не повторяться заставляют его прибегать к комбинациям элементов орнамента, и даже создавать собственные варианты с включением изображений птиц и зверей

¹ Здесь приведено два варианта написания имени писца: Гаврила и Гавриил (л. 325, 325 об.).

(см. табл. 3). Все изображения отличает твердость руки в рисунке и штриховке, строгую выверенность и идеальный глазмер при соблюдении зеркального расположения элементов орнамента в заставках. Поражает четкость и изящество рисунка, отсутствие ошибочных линий, исправлений. Всё это выделяет искусство Фёдора Басова, о чем с гордостью пишет Стефан, говоря о «даровании» брата. Отметим, что заставки самого Стефана (особенно при увеличении) отличают большая небрежность, диктовавшаяся ускоренным исполнением, а зачастую и иные принципы штриховки, придающей объемность «травам» (перекрестная, «пучками»). Ему приходилось особенно много переписывать тексты, поэтому наиболее совершенствовалось его письмо.

Сравнение книг, написанных Гаврилой и Стефаном для жителей Москвы, показывает, что главным образом именно Фёдор занимался художественным оформлением обеих рукописей. Принципы его работы с рукописью Гаврилы (им самим раскрашена заставка на л. 3) те же: художник использовал в качестве образцов заставки из Апостола Ивана Фёдорова (например, на л. 12, 36, 54 и др.), либо прибегал к комбинированию их элементов (л. 112, 130 и др.). Особо в обеих книгах выделим титульные листы и миниатюры «Царь Давид», которые практически идентичны (различаются только почерки в текстах). Миниатюры с большой точностью копируют уже известный нам гравированный фронтиспис Псалтыри П. Мстиславца 1576 г. Отметим поразительную точность рисунка, тонкость штриховки в подражание гравюре (рис. 4). Нет сомнений, что именно Фёдор Басов выполнил эти листы. Кроме указания Степа-

на, об этом свидетельствует и то, что в будущем он станет известным в Москве знаменщиком и будет принят в этом качестве на службу при Печатном дворе, а затем и к иконникам в Оружейную Палату. Таким образом, благодаря Стефану мы знаем, что лучшие образцы убранства в стиле «классического» старопечатного орнамента в книгах работы братьев Басовых принадлежат Фёдору. Но заметим, что полууставной почерк его еще долго не отличался изяществом и здесь приоритет следует отдать Стефану. К тому же, в дальнейшем и Фёдор иногда позволял себе вписывать украшения довольно небрежно.

Итак, при написании Стефаном книги для Андрея Шокина ему потребовалась помощь брата Фёдора. Во-первых, книга просто изобилует украшенными листами (более 60). Во-вторых, это можно объяснить тем, что почти *одновременно* Стефану пришлось выполнять заказ, последовавший от имени одного из самых высокопоставленных людей России — Митрополита всея Руси Дионисия. Митрополит, переживающий не лучшие времена в отношениях с верховной властью, «повелел» ему переписать книгу «*Мерило праведное*». Очевидно, что высокое искусство книгописания братьев уже получило известность в Москве.

Исходя из того, что в своих послесловиях Стефан не называл себя полным именем, тогда как при имени братьев указывал отчество «Сергеев сын», Т.В. Анисимова предположила, что он был монахом и жил при московском Чудове монастыре, в книгописной мастерской которого выполнялись митрополичьи заказы [8, с. 602, 607]. Однако писцы-иноки не скрывали своего положения, часто указывая даже место своего пострига. Те из них, кто выпол-

Рис. 4. Псалтырь с воследованием и Апостол. Фронтиспис «Царь Давид» и титульный лист. Фёдор Басов (РГБ. Ф. 98. № 453. Л. 12 об.—13)

нял работы в книгописных мастерских, получал жалованье и редко подписывал рукописи, которые представляли собой как бы отчёт за оплаченный труд. Если бы Стефан был иноком, то он обязательно «проговорился» бы об этом в каком-нибудь из своих послесловий. Заметим, что последние пронизаны особым духом церковного смирения. Скорее всего, мастер указывал полное имя только иных лиц, себя же он просто не смел «величать» с отчеством («аз же есмь человек грешен, малодушен и немощен»¹).

В художественном оформлении книги для Митрополита приняли участие Фёдор, обычно оказывавший помощь в этом Стефану, а также, вероятно, и Гаврила. Здесь им пришлось выполнить всего четыре заставки и два «полевых цветка», которые в начале книги раскрашены разноцветными красками и золотом (л. 4, 7). На титульном листе орнамент вообще превратился в популярный тогда «нововизантийский», сквозь который старопечатный орнамент лишь проступает отдельными участками. Очевидно, на этих листах украшения или их раскраску выполнил Гаврила: они находят аналогии с книжными украшениями, которые позже, во время его работы в Троице-Сергиевском монастыре, будут востребованы и станут основными (рис. 5; ср.: табл. 5). Качество исполнения и аналогии в композиции орнаментальных элементов остальных заставок «классического» старопечатного типа говорят о том, что они нарисованы Фёдором (рис. 6; ср.: табл. 2).

«Мерило праведное» Стефан закончил к октябрю 1586 г., сопроводив его послесловием, которое не

¹ Из послесловия к Прологу (л. 394 об.) (табл. 1, № 5).

Рис. 5. Мерило праведное. 1586 г. Титульный лист. Украшения Гаврилы Басова (ГИМ. Синод. № 524. Л. 7)

содержит никаких намеков на то, что братья жили при Чудовом монастыре или работали при какой-либо мастерской. В октябре, когда митрополит был низложен и сослан к месту своего пострига в новгородский Хутынский монастырь, он увозил с собой и книгу письма Стефана Басова (табл. 1, № 3).

Отметим, что оба заказа для жителей Москвы братья Басовы выполняли на одной бумаге, приобретенной специально для этого (возможно за счет заказчиков) и имеющей общие филигранные. Для выполнения митрополичьего заказа использовалась другая бумага.

Возможно, Гаврила после написания этих книг покинул Москву. Из его последующих рукописей нам пока известны уже упоминавшееся тверское Евангелие 1593—1595 гг. и книги, написанные в первой трети XVII в., о которых еще будет сказано.

Сведения о дальнейшей деятельности братьев Басовых связаны лишь со Стефаном и Фёдором и относятся к 1589 г. На сей раз уже Фёдор получил заказ на выполнение особой книги, предназначавшейся для высших священнослужителей, — Архирейского чиновника. В это время Стефан был занят перепиской Пролога: скорее всего, он получил заказ на переписку двух полугодичных томов данного объемного житийного сборника и работу над ними начал несколько ранее этой даты.

Исследователям давно известен второй том Пролога (март — август) с послесловием писца Стефана, в котором сообщается, что книга написана в 1589/90 г. «в богоспасаемом граде Москве» «произволением и повелением... благоначита мужа Никиты Григорьева сына Строганова» (табл. 1,

Рис. 6. Мерило праведное. 1586 г. Заставка и инициал Фёдора Басова (ГИМ. Синод. № 524. Л. 395)

№ 5). Вероятно, первый том (сентябрь — февраль) был выполнен мастером ранее, но он пока не найден. Текст второй книги Пролога полностью написан Стефаном. Теми же негустыми чернилами, что и текст, нарисованы заставки. Их не много (6), но они лишены того изящества и уверенности рисунка, которые отличают заставки Фёдора. В центре одной из заставок помещено изображение птицы (рис. 8), также уступающее похожим изображениям птиц, нарисованным Фёдором [напр.: 13, л. 162, 590, 611]. Вместе с тем, не смотря на небрежность в исполнении украшений, их следует отнести творчеству именно этого мастера. Особенно наглядно об этом свидетельствует титульный лист книги (рис. 7), изображение заставки и инициала на котором находят аналогии в титульных листах книг, написанных (в том числе и полностью самим Фёдором) в начале 1590-х гг. Очевидно, в тот период Стефан, выполняя огромную работу по переписке книг, продолжал привлекать брата к их художественному оформлению. Иногда дело ограничивалось лишь украшением первого, титульного листа. Важно заметить также, что из текста послесловия к Прологу впервые с конца 80-х гг. прослеживается знакомство и связь со Стефаном и Фёдором Басовыми Н. Г. Строганова.

Как уже отмечалось, в то время пока Стефан был занят перепиской томов Пролога, Фёдор приступил к написанию *Архиерейского чиновника* (табл. 1, № 4). Т. В. Анисимова справедливо полагает, что

эта рукопись, содержащая раздел «Молитвы святого крещения, их же глаголет патриарх или митрополит», была выполнена Фёдором вскоре после провозглашения Иова патриархом всея Руси и предназначалась либо для самого патриарха, либо для некоего митрополита [8, с. 605—606]. Действительно, с поставлением патриарха (январь 1589 г.) главы крупнейших епархий России — архиепископы — посвящались в митрополиты. Например, в том же году в сан митрополита Ростовского, Ярославского и Белозерского был возведен Варлаам (Рогов), брат новгородца Саввы Рогова, ученик которого Стефан Гольш у Строгановых в их родовом гнезде Сольвычегодске основал церковно-певческую школу [см.: 5]. Сольвычегодск относился к Ростовской епархии. Поскольку Чиновник написан на той же бумаге, на которой в тот период писался Пролог для Н. Г. Строганова, то естественно предположить, что и этот сборник выполнен по его же заказу. Вполне вероятно, что Архиерейский чиновник мог быть поднесен Строгановыми архиепископу Варлааму. Интересно, что в конце рукописи рукой Стефана вписана именно «Молитва, егда поставляют митрополита» (л. 288—289).

В оформлении рукописи много общего с работами, выполненными Фёдором ранее. Прежде всего, это касается качества и особенностей рисунка заставок и инициалов, которые мы находим в книгах, переписанных для москвичей Деомиды Дементьева

Рис. 7. Пролог. 1589/90 г. Титульный лист. Украшения Фёдора Басова (РГБ. Ф. 256. № 323. Л. 1)

Рис. 8. Пролог. 1589/90 г. Заставка Фёдора Басова (РГБ. Ф. 256. № 323. Л. 230)

и Андрея Шокина. При изготовлении титульного листа Архиерейского чиновника (рис. 9) Фёдор фактически повторяет заставку и инициал титульных листов тех же книг, тем более, что тексты всех рукописей начинаются одним инициалом — Б. Отметим также наличие некоторой небрежности при выполнении Фёдором отдельных малых заставок (л. 41, 214 об.). Почерк же мастера более ровный и «сухой», чем почерк Стефана, в нем нет характерной для последнего свободы, лигатур, многочисленных выносных букв, росчерков¹. Различие почерков братьев особенно хорошо демонстрирует страница Чиновника, на которой начинается упомянутая «Молитва, егда поставляют митрополита» (рис. 10).

Следующий период в деятельности братьев Стефана и Федора Басовых наступил в начале 1590-х гг., и связан он с работой книгописцев преимущественно по заказам Н. Г. Строганова.

Оценив талант братьев, используя их невероятную работоспособность и высокое качество исполнения рукописей, в это время Никита Григорьевич приступает к формированию, пожалуй, лучшей части своей фамильной библиотеки. Видимо, не без его влияния художниками начинают создаваться сборники в миниатюрном исполнении, в 8-ю и 16-ю долю листа, но с сохранением всех особенностей их оформления, сложившихся в древнерусском книжно-рукописном искусстве (соотношение разме-

¹ Мы не останавливаемся на описании почерков братьев Басовых, поскольку Т. В. Анисимовой это сделано довольно подробно и точно.

Рис. 9. Архиерейский чиновник. Титульный лист. Фёдор Басов (ГИМ. Щук. № 563. Л. 1)

ров текста и полей, система украшений и их размеры и т. п.). Главное же то, что качество художественного исполнения позволяет назвать эти книжные миниатюры, подобно известным миниатюрным образцам строгановских икон, драгоценными произведениями. И, конечно, эти книги, как и упомянутые иконы, не были предназначены для общественного богослужения.

Для исполнения заказов братьями Басовыми Н. Г. Строганов закупал бумагу очень высокого качества. Судя по филиграммам, она приобреталась значительными партиями, что позволяет нам проследивать порядок написания книг, их связь с самим Строгановым (не все рукописи, но среди них хотя бы одна, выполненная на бумаге из очередной партии, имеют свидетельство о такой связи).

На той же бумаге, на которой братья писали Пролог и Архиерейский чиновник, Фёдор (по окончании Чиновника) продолжил написание следующих сборников. В 1590—1591 гг. он создает сборники выписок праздничных служб из *Триодей постной и цветной* и *Миней на сентябрь—ноябрь* (табл. 1, № 6, 7). Это позволяет нам предположить, что заказчиком книг оставался Н. Г. Строганов. В подтверждение также укажем, что минейный сборник затем хранился до 1688 г. в собраниях Строгановского рода [запись см.: 8, с. 605].

В последующее время, в самом начале 90-х гг., братья создают сборники на иной бумаге, но также имеющей общие филиграммы. Фёдор около 1592 г. переписывает еще один экземпляр сборника ми-

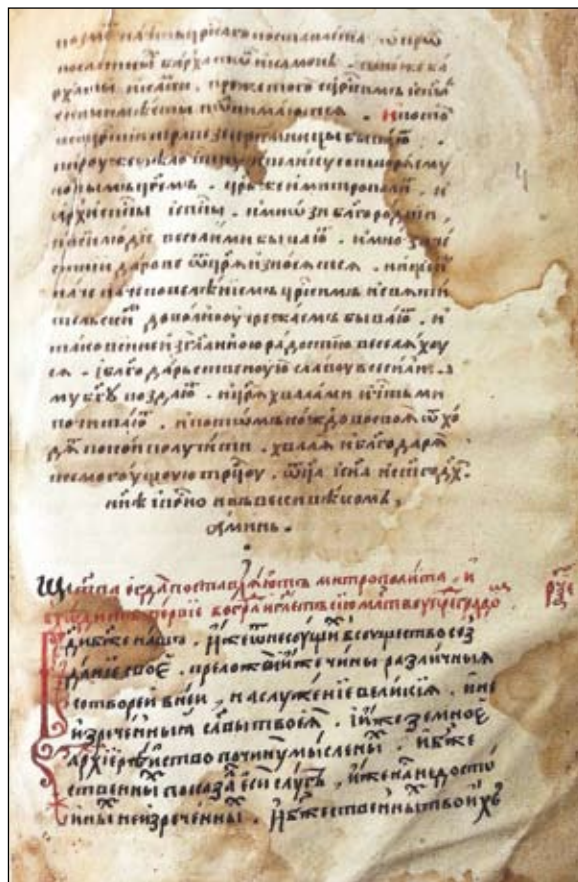

Рис. 10. Почерки Фёдора и Стефана Басовых в Архиерейском чиновнике (ГИМ. Щук. № 563. Л. 288)

Рис. 11. Миней (сентябрь—ноябрь). Титульный лист. Фёдор Басов. Ок. 1592 г. (ГИМ. Увар. № 15. Л. 1)

Рис. 12. Торжественник минейный. Украшения Фёдора Басова. Нач. 1590-х гг. (РГАДА. Ф. 196. № 1109. Л. 5)

нейных служб на сентябрь — ноябрь (табл. 1, № 8), но другого содержания по сравнению с рукописью, выполненной ранее. Сборник явно написан по заказу Н. Г. Строганова (на такой же бумаге именно для него Стефан в то время переписывал следующую книгу — Торжественник). Кроме того, этот минейный сборник далее хранился у Строгановых: имеется запись о его принадлежности, вероятнее всего после смерти Никиты Григорьевича (1616), Андрею «Семеновичу» Строганову (л. I об.)¹. По окончании этой книги Фёдор сразу же приступил к написанию и второго триодного сборника, но содержащего службы воскресных дней (табл. 1, № 9).

Указанные четыре книги письма Фёдора, по сравнению с предыдущими, оформлены очень скромно, в них художественно украшены только титульные, листы. Заставки близки между собой главными элементами — плодами, напоминающими одновременно гранаты и ананасы (минейные сборники), или шишками (триодные), расположенными в буйной листве древ. Иногда добавлен инициал или «полевой цветок». Всё это выполнено в старопечатном чернофонном орнаменте (рис. 11). Следует отметить и некоторую небрежность в

¹ Напомним, что написание имен Строгановых «с вичем» введено царским указом в 1610 г. Следовательно, владельческая запись выполнена после этой даты.

выполнении украшений, что, видимо, объясняется ускоренным исполнением заказов. В этих книгах Фёдор Басов при письме в тексте киноварных подзаголовков впервые применил своеобразный крупный широкий полуустав с минимальными элементами вязи.

В то время как Фёдор писал вторые сборники служб из Триодей и Миней, его брат Стефан на той же бумаге выполнял *Торжественник минейный* (табл. 1, № 12), который, как мы отметили, предназначался для Н. Г. Строганова. Именно в библиотеке последнего он затем и хранился². Рукопись написана характерным почерком Стефана, но заставки, а их всего две — малая перед оглавлением (л. 1) и большая на титульном листе (л. 5), выполнил Фёдор. Большая заставка по качеству исполнения и композиции (рис. 12) почти идентична заставке этого мастера в его первом триодном сборнике.

Очевидно, первые строгановские заказы в конце 80-х — начале 90-х гг. Стефан и Фёдор выполняли, проживая в Москве. С увеличением этих заказов они даже могли перебраться на московское подворье

² Н. Г. Строганов умер 24 ноября 1616 г., а уже 1 декабря по его «приказу» эта книга была дана вкладом «по его душе» в строгановский Пыскорский монастырь на Каме (запись см.: 8, с. 599).

Рис. 13. Стихирарь певческий. Фронтиспис.
Фёдор Басов. 1590-е гг. (РНБ. КБ. 586/843. Л. 3 об.)

Н. Г. Строганова, образовав там свою мастерскую. Но сам Никита Григорьевич постоянно проживал в Сольвычегодске и не мог надолго оставлять свое обширное хозяйство. Поэтому можно предположить, что во второй половине 1590-х гг. и братья-книгописцы, вероятно, перебрались сюда. Именно тогда появляются художественно оформленные ими обширные певческие сборники, написанные другими писцами (табл. 1, № 12—14).

Сольвычегодск (Усолье Вычегодское) по воле Строгановых в XVI в. занял достойное место среди крупнейших в России центров промыслов и торговли. К концу столетия владения рода приросли почти половиной освоенных русскими земель в Прикамье. Огромные богатства позволили вотчинникам, промышленникам и купцам Строгановым в своем родовом усольском гнезде основать мастерские серебряного дела и лицевого шитья, иконописи и книгописания. Особое место среди искусств, получивших развитие в результате их покровительства, заняло церковно-певческое искусство. Оно нашло свое воплощение в произведениях строгановских мастеров и было известно современникам как особое творческое направление — «Усольское мастеропение» [см.: 5]. Уже с начала 1580-х гг. в местной книгописной мастерской началось производство обширных певческих сборников. Их выделяют высококачественная дорогая бумага, объемность и особенности состава, своеобразие содержания (прежде всего, включение местного музыкального материала, предваряющего появление усольских авторских распевов, наряду с «общерусским» и

Рис. 14. Ирмологий певческий. Фронтиспис.
Фёдор Басов. 1590-е гг. (ГРМ. Др. Гр. № 19. Л. 164 об.)

московской традиции) и, наконец, художественное оформление¹.

Украшение лучших и наиболее значительных, масштабных строгановских певческих сборников, переписываемых в 1590-е гг., было доверено Фёдору Басову. Мастер украсил рукописи как уже традиционными заставками с элементами, восходящими к популярным печатным изданиям (прежде всего, к Апостолу Ивана Фёдорова), так и новыми, оригинальными по композиции, иногда даже с включением изображения зверя (льва). Впервые в сборниках, в начале книги или перед большими разделами, появляются страницы, полностью заполненные разнообразными изображениями дерева, составленными из элементов всё того же старопечатного орнамента. Нередко эти изображения также оживляются расположением вокруг них животных и птиц (рис. 13, 14). Подобные фронтисписы в рукописных книгах других мастеров и центров пока не обнаружены. Они стали своего рода «фирменным знаком» книг, вышедших из строгановской мастерской. Интересно, что для одного из уже готовых певческих сборников Фёдор специально выполнил эти украшения несколько позднее, в самом начале 1600-х гг. Они были нарисованы на отдельных листах (бумага с филигранями «1600»), а затем вклеены (табл. 1, № 14).

Однако украшение созданных в мастерской Н. Г. Строганова певческих сборников не было основной работой братьев. Конечно, они должны

¹ Подр. см.: 9, с.43—62. Здесь же историография.

Рис. 15. Псалтырь толковая, т. 2. Титульный лист.
 Стефан Басов. Ок. 1603–1604 гг.
 (РГБ. Ф. 198. № 575. Л. 1)

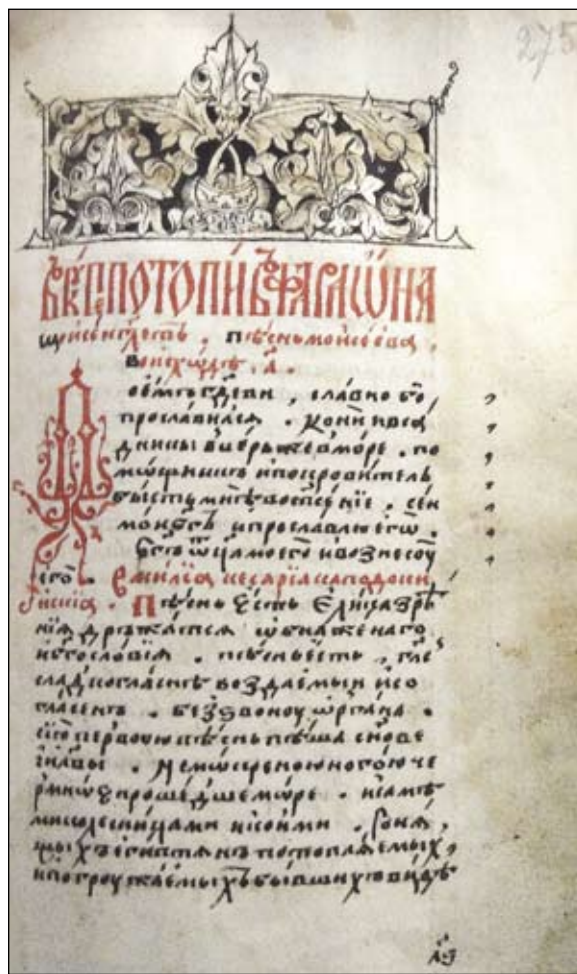

Рис. 16. Псалтырь толковая, т. 4.
 Заставка и письмо Стефана Басова. Ок. 1602 г.
 (РГБ. Ф. 98. № 523. Л. 275)

были продолжать переписку обычных книг. Возможно, всё это рассматривалось ими и их работодателем как занятие временное. Но в условиях нарастающего хозяйственного кризиса скорое возвращение братьев в столицу потеряло смысл¹.

Так или иначе, но период работы Стефана и Фёдора Басовых на Н. Г. Строганова продолжился в начале XVII в. Как установила Т. В. Анисимова, в 1602—1604 гг. первый из братьев переписывал четыре тома *Псалтыри толковой* в переводе Максима Грека [8, с. 588—590]. Все они будут храниться в библиотеке заказчика [см.: 15, с. 49]. Обнаружены пока лишь второй и четвертый тома (табл. 1, № 15—16). Первая рукопись содержит одну заставку (л. 1), вторая — две (л. 1, 275). По качеству их оформления, штриховки они заметно отличаются от книжных украшений, нарисованных Фёдором, что свидетельствует об их выполнении самим Стефаном (рис. 15, 16).

В это же время Фёдор создавал *Книгописный подлинник* (табл. 1, № 17), который уже не раз привлекал внимание исследователей. В написании этой книги принимали участие и другие мастера, включая сольвычегодского писца по прозвищу «Варлук».

¹ Известно, что в 1602—1603 гг. в стране разразился страшный голод. По свидетельству современников лишь в Москве погибло 120 тыс. жителей. Предпринимались меры против спекуляции, например, в Сольвычегодске [см.: 14, с. 148].

Полностью мастера завершили рукопись в ноябре 1604 г., создав настоящий шедевр русского книжноручкописного искусства. В научной литературе он упоминался под названиями «Азбука и образцы заставок», «Азбуковник», «Каллиграфический подлинник». Книга выполнена в виде альбома, в котором собрано всё необходимое писцам для овладения их ремеслом на высочайшем уровне. Здесь каждая буква алфавита выписана на отдельной странице во всевозможных вариантах скорописи (до 80), приведены начертания полуустава (крупного, мелкого, скорописного). В высокохудожественном исполнении дано множество образцов инициалов и заставок больших, средних и малых (рис. 18), «полевых цветов», изображавшихся на полях рукописей, и целых «древ» для фронтисписов (рис. 17), причудливой вязи и личных монограмм Н. Г. Строганова. Преобладает старопечатный тип орнамента, но встречаются и своеобразные плетеные растительные орнаменты. Почти всю книгу «писал многогрешный раб Федор Сергеев сын Басова» (почерк записи на л. 140 об. совпадает с приведенными образцами скорописного полуустава²).

² Отметим, что это явно почерк Стефана, который иногда подписывал рукописи за братьев. Если это так, то мы имеем прямое свидетельство об участии этого мастера в написании каллиграфических разделов Подлинника.

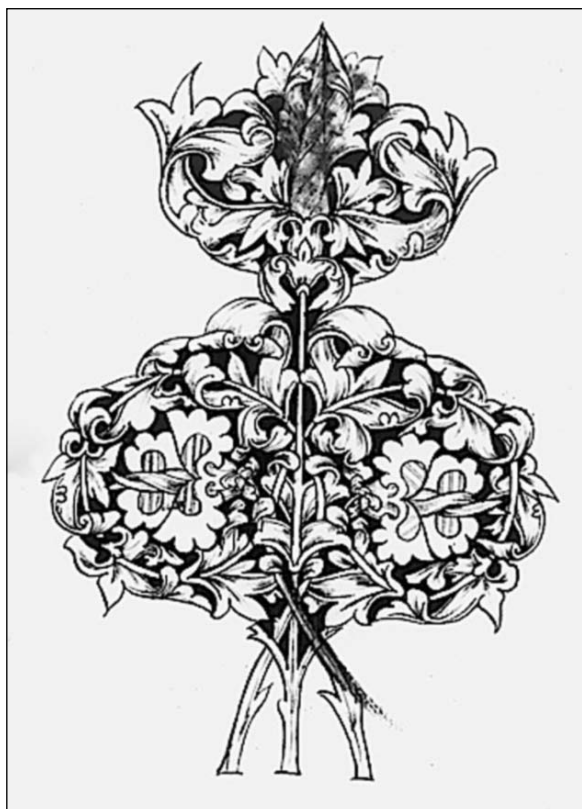

Рис. 17. Книгописный подлинник. Дерево.
Фёдор Басов ок. 1604 г. (л. 23 об.)

Один из разделов рукописи был написан писцом с прозвищем «Варлук». Об этом говорится в пометке (расчет оплаты), сделанной тем, кто, вероятно, отвечал перед хозяином за всю работу: «113-го [1604] ноября 17 дня Варлук написал 73 строки прописные большие... У Соли у Вычегодские Никиты Григорьева сына Строганова человек Ларион Петров» (л. 142)¹. И тексты монограмм² и последняя запись явно свидетельствуют, что заказчиком был Никита Григорьевич. Созданный по его распоряжению памятник, очевидно, должен был служить и для молодых, и для опытных писцов тем же, чем Иконописный подлинник (который, кстати, Строгановы также имели [17]) для мастеров-иконников. Поэтому нами и было предложено называть его «Книгописным подлинником» [5, с. 37—38]³.

Таким образом, Фёдор Басов при участии других мастеров создал масштабное пособие, превосходящее все сборники по наполненности вариантами украшений, не повторяющимися друг друга. Все украшения выполнены необыкновенно тонко и уверенно,

¹ Т. В. Анисимова считает, что Варлук выполнил л. 24—34 [8, с. 604]. Однако в записи говорится, что им написаны «строки прописные большие», тогда как на этих листах находятся инициалы. Скорее, речь идет о строках вязи на следующих за записью л. 143—157, отличающейся от вязи братьев. Правда, строк всего 57 и последняя не дописана.

² Подобные монограммы, представляющие собой надписи вязью, заключенные в круг, встречаются на оборотах икон строгановской мастерской [см.: 16, с. 25, 48, 49].

³ Как известно, «Азбуковником» называются особые памятники древнерусской книжности, содержащие толкования слов и т.п. Название же «Каллиграфический подлинник» является для сборника слишком узким.

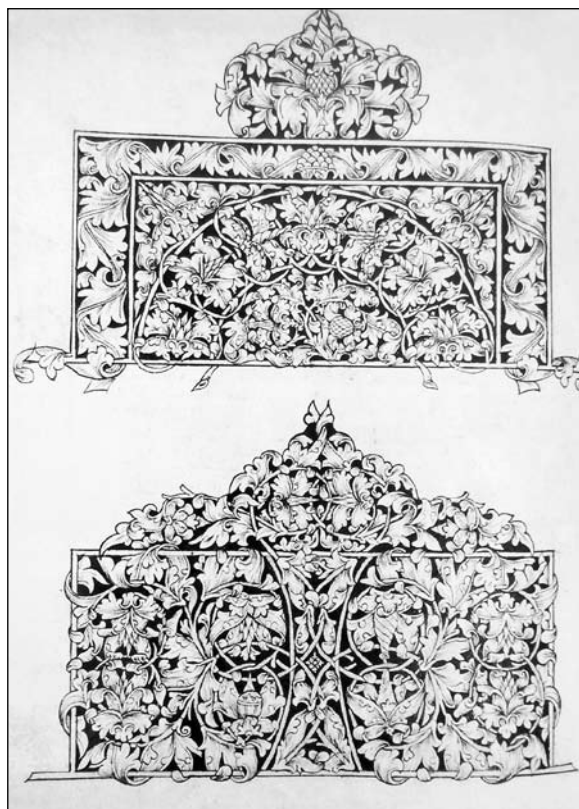

Рис. 18. Книгописный подлинник. Заставки.
Фёдор Басов ок. 1604 г. (л. 110 об.)

предстают вполне сложившимися и законченными. По-видимому, с этой книги была сделана копия, так как в Описи библиотеки Н. Г. Строганова упоминается «2 Азбуки письменные, фряские, с прописными строки» [15, с. 57].

Стефан Басов в дальнейшем переписал целый комплект Миней месячных и ряд других книг (табл. 1, № 18—23). Т. В. Анисимова отмечает, что «январский том Минеи уточняет регион, для которого она была предназначена заказчиком». В Царских часах к празднику Богоявления помещено Многолетие в честь царя «Ливонскаа земля обладателя» и архиепископа Ростовского, Ярославского и Устюжского [8, с. 591]. Ясно, что мастер переписал это Многолетие из старой книги времен Ивана Грозного. Работу он выполнил в 1605 г., когда во главе Ростовской епархии был уже митрополит. Но важен сам факт упоминания данной епархии, к которой относились строгановские сольвычегодские владения. Важно также отметить, что все рукописи начала XVII в. выполнялись с использованием, в основном, бумаги, имеющей общие филигранные (иногда примешивалось некоторое количество разных сортов бумаги с иными филигранями). Художественное оформление книг выполнено самим Стефаном, причем следует отметить его возросшее мастерство в этом деле (см. табл. 4). Наконец, также важно подчеркнуть, что все эти книги хорошо идентифицируются с книгами, вошедшими в Опись библиотеки Н. Г. Строганова, распроданной в Москве к 1620 г. после смерти их заказчика и владельца⁴.

⁴ См.: 15, с. 46 (Торжественник триодный), 48 (Апостол толковый), 49 (Часослов) и др.

Итак, знакомство Н. Г. Строганова с книгописцами и знаменщиками братьями Стефаном и Фёдором Басовыми в конце 1580-х гг. обернулось для мастеров тем, что уже в начале 1590-х гг. они стали выполнять объёмные заказы вотчинника (комплекты томов Пролога, Миней), а в начале XVII в. фактически работали только на него. Т. В. Анисимова блестяще просчитала работу братьев над томами Псалтыри толковой и комплектом Миней месячных в 1602—1606 гг. буквально *по дням и месяцам* [8, с. 589—591]. Вместе с тем она полагает, что братья в Москве работали в мастерской Чудова монастыря или в некоей «одной из центральных книгописных мастерских» [8, с. 607]. Но тогда они должны были бы выполнять и определенные задания по написанию и оформлению книг в данной мастерской. При всей масштабности работы на Н. Г. Строганова это вряд ли было возможно. Отметим также интересную особенность, проявившуюся после того, как братья стали выполнять строгановские заказы. Из книг их письма исчезли послесловия. В послесловии к первой из рукописей (Пролог, 1589/90), выполненной для Н. Г. Строганова, заказчик всячески превозносится, пиисец (Стефан) желает «душевного ему спасения и многолетнего здравия, понеже бо он суть виновен таковыя ползы» и т. д. (л. 396). Почему же в последующих книгах нет подобных благодарственных строк с указанием места выполнения заказа? Возможно, писцы не хотели повторяться? Однако вероятнее всего, изменился характер их отношений с заказчиком. Может быть, он стал для них хозяином и они работали теперь *в его* мастерской? Может быть, изменилось и место их труда и проживания? Все это особенно реально для начала XVII в. и подтверждается *ежедневной* работой Стефана на Н. Г. Строганова.

Таким образом, книги, выполненные преимущественно на одной бумаге в начале XVII в. братьями Басовыми, скорее всего, переписывались уже непосредственно в Сольвычегодске. Здесь, имея под рукой старинные местные книги, Стефан мог вписать в Минею январскую Многолетие с упоминанием архиепископа Ростовского (этот архиепископ, например, упоминается и в Многолетии выдающегося строгановского памятника — певческого Стихиаря 1582—1584 гг. [18, л. 64 об.; см. также: 9, с. 45]). Здесь был выполнен Книгописный подлинник Фёдора Басова, дополненный местным мастером, о чём прямо свидетельствуется в записи «человека» Н. Г. Строганова (ноябрь 1604 г.). Заметим, что в этом памятнике, кроме упомянутой общей для рукописей начала XVII в. бумаги, использовалась также бумага, на которой в декабре 1601 г. по заказу П. С. Строганова был завершён один из певческих сборников, имеющий соответствующую запись [19, л. 704]¹.

В голодные годы, сменившиеся безвременьем самозванцев, даже некоторые из столичных иконописцев оказались в строгановских владениях (Стефан Арефьев, Фёдор Савин и др.). Государев иконник Прокопий Чирин покинул Сольвычегодск

только в 1615/16 г., оставив здесь своего ученика. Поэтому не было ничего необычного в том, что мастера-книгописцы Басовы ради заработка на какой-то период покинули Москву. Возможно, возвращались они в столицу в разное время.

Что касается Стефана, то он был более задействован в выполнении уже перечисленных заказов, к которым, видимо, иногда добавлялась работа по украшению певческих сборников (табл. 1, № 24²). Поэтому он смог покинуть строгановское Усолье не ранее 1606 г.

У нас пока нет свидетельств о том, что после создания Книгописного подлинника Фёдор выполнял еще какие-то работы для Н. Г. Строганова. Т. В. Анисимова отмечает, что труд Фёдора «*предвосхищает* (а не копирует) орнаментику будущих печатных изданий» 1604—1610 гг. (И. Невежин, А. Радишевский). Возможно, этот мастер «принимал участие в разработке орнаментов заставок и инициалов для печатных изданий» [8, с. 604, 607. Курсив авт.]. Это предположение не противоречит другим данным.

Г. В. Маркелов, предпринявший сравнение заставок и инициалов ряда изданий начала XVII в. с заставками старопечатного орнамента Фёдора Басова из Книгописного подлинника, установил их «идентичность» [6, с. 694]. Кроме того, сохранился документ, свидетельствующий о том, что до сожжения в нашествие «литвы и поляков» московского «Печатного дома и всей штанбы того печатного дела» в апреле 1611 г.³, Фёдор, видимо, действительно работал здесь в качестве штатного знаменщика. Речь идет о завершённой в июле 1612 г. Смете на восстановление типографии, «во что станут две штанбы печатные, сделати два станы» [опубл.: 20, с. 433—436].

О составителях и месте появления этой Сметы в научной литературе имеются разные мнения. Большинство исследователей связывает её происхождение с московским боярским правительством. Л. И. Владимиров полагает, что типографию пытался восстановить князь Д. Т. Трубецкой, возглавлявший ополченцев вокруг Москвы. Наконец, группа исследователей, пытающихся доказать Нижегородское происхождение в 1613 г. безвыходного Евангелия, атрибутируемого ранее Московскому Печатному двору (ок. 1619 г.), настаивает на составлении документа руководителями Второго ополчения, базирующегося в ту пору в Ярославле [21, с. 11]⁴. Конкретная аргументация авторов последней точки зрения сводится к следующим двум положениям.

Во-первых, встречающееся в Смете выражение «по московской цене», якобы косвенно указывает на «немосковское происхождение» документа, так как в Москве оно «не имело смысла» [21, с. 10—11]. Однако данное выражение встречается в документе дважды, и всякий раз оно относится к определению стоимости леса (колоды, доски, дрова). Почему

² Обратим внимание на заставки сборника (л. 1, 137). Они выполнены подобно некоторым заставкам Апостола и Часослова, с заполнением углов орнаментом «арабескового» типа (табл. 4, № 1).

³ Об этом повествует «Сказание известно о воображении книг печатного дела и о его пресечении» [см.: 20, с. 442].

⁴ В этой статье приводится и историография вопроса.

¹ Речь идет о бумаге с филигранью: инициал «В» в щите под короной, в картуше надпись «Nicolas Lebe».

в Нижнем Новгороде должны были закупать лес по «московской цене», объяснить трудно. А вот в оккупированной поляками русской столице это выражение как раз стало обыденным. Поляки забирали товары, вещи, либо не оплачивая, либо давая чрезвычайно низкую цену. В Москве вынуждены были часто подсчитывать убытки, переводя их на «московскую цену», «по оценке московских торговых людей» и т. п. [напр.: 22, стб. 227—239]. Уточнение «по московской цене» просто указывало реальную цену местного товара. Для чего это нужно было делать в далеком Нижнем, не ясно.

Другим аргументом, по мнению авторов, является указание, что Смета составлена «по приказу бояр и воевод» в сочетании с упоминанием Российской державы и Московского государства, что характерно для документов Ярославского земского правительства [21, с. 11]. Изучение форм документов, сложившихся ко времени появления Сметы показывает, что титулатурная формула «Великия Российския державы Московского государства (от, по приказу, по указу) бояр и воевод» была введена с образованием боярского правительства — «семибоярщины». Она стала единой и сохранялась в текущей документации. Особенно ясно это видно из многочисленных челобитных и других обращений на протяжении 1611—1612 гг. к центральной власти, кто бы её не олицетворял [напр.: 23, с. 5—80, 103 и др.]. Но в исходящих от разных властей документах мы наблюдаем различные варианты этой формулы. В документах «полков» («таборов») Трубецкого она употреблялась раньше, а затем была воспринята и делопроизводством Второго ополчения. Обычно за подобной формулой следовало уточнение — обязательно указывались имена самих начальников (воевод) [напр.: 23, с. 167—169 и др.; 24, № 192, 195, 204 и др.]. В Смете такого уточнения нет, что, действительно, может указывать на её появление в недрах аппарата боярского правительства.

Ко времени составления Сметы это правительство, предавшее национальные интересы, было блокировано вместе с поляками в Кремле и Китай-городе. Посылавшиеся отсюда во внешний мир документы чаще всего оформлялись от имени королевича Владислава, хотя внутренние документы составлялись и от имени бояр. Осажденные бояре в условиях грабежей и усиливавшегося голода вряд ли задумывались о возрождении Печатного двора. Но подготовку документа могли начать задолго до этих событий и указанная в нем дата фиксирует лишь срок его завершения приказными. В тех условиях Смета, вероятно, осталась в черновом варианте, не была утверждена, так как на ней не проставлена точная дата.

Однако нельзя исключать и другое. Остальная часть Москвы и её окрестности были заняты «таборами» Трубецкого. Здесь летом 1611 г. для управления страной были созданы приказы (поместный, разрядный и др.), ведущие делопроизводство по постоянно поступающим обращениям жителей и местных властей различного уровня и возникающим делам, требующим разрешения. Служившие «в полках» и приказах стольники, стряпчие, дворяне и дети боярские считались находящимися «на земской

службе», получая поместные и денежные оклады [напр.: 25, с. 482; 26, с. 78—82]. Нам представляется, что сосредоточившись главным образом на подвиге руководителей Второго ополчения, историки ещё далеко не полно и весьма односторонне оценили место в событиях князя Д. Т. Трубецкого. Действительно, он совершил много ошибок, приведших в том числе к расколу его «полков». Но именно он блокировал и удерживал в Кремле силы интервентов и «семибоярщину», а в возникший затем период безвластия наладил управление страной (позже к этому подключились и руководители Второго ополчения). Поэтому мы не исключаем, что Смету на восстановление московского Печатного двора могли составить и земские приказные Трубецкого.

К сказанному можно добавить и другие факты для определения места происхождения Сметы. В её разделе, перечисляющем «книжное печатное дела всяких мастеровых людей» и их натуральные и денежные оклады, недвусмысленно сказано: «А оклад тем всем мастеровым людям *старой*». Если Смета предшествовала только созданию типографии в Нижнем Новгороде, то что означает эта ссылка? Ясно, что в качестве прецедента должны выступать «старые» оклады, которые мастера получали ранее в соответствии с их профессиональными обязанностями на Печатном дворе. Но таким двором мог быть только московский. Вряд ли «государевы» оклады могли принять за образец в Нижнем. Оплата труда местных служилых людей всегда была гораздо меньше, чем столичных.

В списке мастеров авторы статьи не обратили внимания на имя знаменщика Фёдора Сергеева, одного из братьев Басовых. Но пребывал ли Фёдор в Нижнем Новгороде на протяжении 1613 г., в период заведения там «новой штанбы» Никитой Фофановым (сам печатник в своем послании четко определяет этот период датами 5 января — 17 декабря¹)? Сохранились книги из библиотеки братьев Басовых, проданные Фёдором во время его нахождения в Троице-Сергиевском монастыре казначею Иосифу Панину его сыну Тимофею, о чем он собственноручно указал на внутренней стороне переплетов в соответствующих записях от 9 февраля 1613 г. [28, № 259; 29, № 484] Интересно, что в книге «Богородичник», проданной Тимофею, первый лист, очевидно, из-за изношенности был предварительно заменен. На нем типичная заставка старопечатного орнамента и текст, выполненные рукой Стефана Басова (табл. 1, № 26). Возможно, что Фёдор приезжал в монастырь, навещая своего брата Гаврилу (Ивана), о котором нам долго ничего не было известно. Гаврила уже в 1608 г. пребывал при Троицкой обители, написав и украсив Евангелие по заказу казначея Иосифа Девочкина (табл. 1, № 25). Таким образом, в то время, когда Н. Фофанов строил типографию в Нижнем Новгороде и, как полагают екатеринбургские исследователи, готовил там издание Евангелия, указанный в Смете знаменщик Фёдор посещал Троице-Сергиев монастырь. Правда, мы не знаем, какое время он там пробыл. Но не позднее сентября того же года он уже числился знаменщиком среди государевых жалованных ико-

¹ Публ. и исслед. см.: 27, с. 57—98.

нописцев¹. В период отсутствия в Москве Печатного двора для мастера основным становится не книжное дело, а иконописное, чрезвычайно востребованное в то время, когда шли восстановительные работы в кремлёвских храмах.

Наконец, о московском происхождении Сметы говорит и то, что П. М. Строев не сомневался, что публикуемый им документ относится к истории «московского книгопечатания» [20, с. VII]. Сборник, откуда ученый «заимствовал» текст, написан скорописью XVII в. [34, л. 51 об. — 56] В нем помещены памятники литературного характера и документы, переписанные без соблюдения хронологической последовательности, но относящиеся преимущественно к смутному времени. Окружающие Смету документы явно московского происхождения (о помощи шведских войск царю Василию Шуйскому, «увещательные» послания духовных властей пленённым поляками о сохранении веры, донесения царю Василию о военных делах и др.). Составитель сборника, видимо, был большим любителем истории и имел доступ к московским архивным хранилищам. Для нас важен тот факт, что Смета уже в XVII в. была включена в сборник в окружении документов из государевых архивов.

Как видим, гораздо более реальным выглядит появление Сметы в Москве. Вряд ли она была принята к исполнению, оставшись черновой прикидкой расходов, внутренним документом. Бурные события 1612 г. на время прервали практическое претворение восстановления Печатного двора.

Но авторы статьи об издании безвыходного Евангелия в 1613 г. в Нижнем Новгороде полагают, что типографию в этом городе Никита Фофанов соорудил в соответствии именно с данной Сметой (хотя он в ней и не упоминается). Поэтому, по их мнению, составленный и изданный там печатником «Нижегородский памятник» (своеобразное Извещение-манифест), в котором мастер, кроме прочего, четко указал характер выполненной работы и время, ушедшее на создание «штанбы» (5 января — 17 декабря 1613 г.), не заслуживает доверия. Исследователи уверяют, что Фофанов скрыл ото всех тот факт, что типография была готова еще в 1612 г., а в указанное им время он предавался тайному изданию Евангелия. При этом не ясно, почему Фофанов, создав типографию якобы по поручению руководителей Второго ополчения, должен был издавать книгу тайно? Почему он не упомянул об этом поручении? Добавим также, что в самом Евангелии среди разносортной бумаги встречается и такая, которая содержит филигрань «кувшинчик» с датой «1613». Это свидетельствует о том, что в 1613 г. книга не могла быть издана. На практике не возможно было в один и тот же год произвести бумагу во

Франции, в условиях военных действий закупить её и доставить в Нижний Новгород, осуществить набор и отпечатать книгу с использованием этой бумаги. Науке такие примеры не известны.

По нашему мнению, Никита Фофанов «с товарищами», бежав из Москвы после сожжения Печатного двора в апреле 1611 г., поселились в свободном от интервентов и богатом Нижнем Новгороде. Подобно братьям Басовым они создали здесь своеобразную артель, готовую наладить выпуск печатных книг. Поэтому в упомянутом «манифесте» Фофанова, кроме этикетной формулы о строительстве типографии «повелением» царя Михаила (занявшего престол тогда, когда строительство «штанбы» шло полным ходом), мастер не указывает, чьим «строением», средствами и т. п. она возводилась. В «Сказании» сооружение «штанбы» также отмечается как личное дело этого мастера (у него имелся и опыт устройства «новой штанбы» — в Москве, в 1609 г.). Поэтому и времени на её создание ушло гораздо больше, чем на строительство государевых станков. Скорее всего, перед нами пример частного предприятия, готового печатать книги на заказ. «Манифест» Фофанова возвестил о появлении такого предприятия, но работа его была свернута, так как мастер срочно был отозван в столицу, где ему предстояло восстанавливать государеву книгопечатню. Вряд ли он успел подготовить и издать такую масштабную книгу как Евангелие, тем более в 1613 г.²

Итак, изучение Сметы в историческом контексте событий и деятельности личностей в эпоху её появления убеждает нас в *московском* происхождении документа. Одним из важных аргументов, не подтверждающим её нижегородское происхождение, является упоминание в ней знаменщика Фёдора Басова, который во время сооружения типографии в Нижнем Новгороде, очевидно, оставался в Москве или пребывал неподалеку от неё — в Троице-Сергиевском монастыре, при котором тогда уже находился его брат Гаврила.

За годы смутного времени братья Басовы, вероятно, потеряли связь с Н. Г. Строгановым и его книгописной мастерской. Нам пока ничего не известно о Стефане. Фёдор как выдающийся мастер рисунка сначала работал на Печатном дворе, что подтверждает Смета 1612 г., предусматривающая для него «старый» оклад³. Об этом имеются и другие косвенные данные,

² Не имея возможности в рамках данной публикации подробнее останавливаться на затронутой проблеме, отметим только, что в указанной статье уважаемых исследователей отчетливо проступает желание во что бы то ни стало доказать сконструированную концепцию с игнорированием противоречащих ей фактов. Появившиеся позже публикации (М. Н. Шаромазов, А. В. Вознесенский) также пока не решают эту проблему бесспорно. Вопрос о времени и месте издания безвыходного Евангелия следует признать открытым.

³ А. А. Сидоров, опираясь на данные Сметы и связывая её появление с «правящими» боярами, полагал, что знаменщик Фёдор до 1611 г. мог работать и с И. Невежиным, и с А. Радишевским. Причем учёный, находил в изданиях последнего единство стиля, восходящего к «декоративизму» искусства «строгановской школы». Но рисовальщик книжных украшений был также последователем Ивана Фёдорова, очень услож-

Рис. 19. Псалтырь с воследованием. Ок. 1619 г.
Фёдор (?) Басов (РГБ. Ф. 173/1. № 137. Л. 18 об.)

Рис. 20. Псалтырь с воследованием. Ок. 1619 г.
Гаврила Басов (РГБ. Ф. 173/1. № 137. Л. 19)

о которых будет сказано ниже. Затем, как отмечалось, с 1613/14 г. мастер числился в знаменщиках при жалованных иконописцах Оружейной Палаты. В июне 1615 г. он упоминается в штате «кормовых» иконописцев. Этот штат был создан из восьми прежних жалованных (включая самого Фёдора) и вновь принятых 11 мастеров [33, с. 128—129]. Все они периодически получали жалованье за выполнение определённых работ по государевым заказам. В начале 1620-х гг. Фёдор снова упоминается в документах Печатного двора [3, с. 158].

Гаврила Басов («по прозвищу Иванка»), как указывалось, уже в 1608 г. жил при Троице-Сергиевской обители, продолжая заниматься своим ремеслом. В писцовой книге 1623/24 г. он отмечен в «нетяглой» слободе с. Клементьева, где «живут всякие мастерские люди, а дают им из монастыря денежное жалование и отсыпной хлеб, а они на монастырь делают всякое изделие». Его двор как «знаменщика» находился среди дворов «иконописцев» [цит.: 7, с. 497—498]. Выявленные пять рукописей [см.: 7; 10], а также атрибутируемое нами ему украшение певческого Стихиряря [35, с. 53], выполнены мастером в 1619—1631 гг. и демонстрируют его необычайно возрастающее мастерство письма и художественного оформления книг. Причем в этих книгах мастер полностью отходит от стиля чернофонного изображения орнамента, в котором работали его братья. Уже в первых книгах, написанных в Москве, а затем в Евангелии, написанном в Твери, проявилось стремление Гаврилы к раскрашиванию миниатюр и заставок. Делалось это несколько

сдержано. (Подобный стиль украшения рукописных книг, возникший на основе старопечатного орнамента, встречается в более ранних сборниках, произведенных в Троице-Сергиевом монастыре). Теперь же в рукописях Гаврилы наблюдается изобилие ярких красок и золота. Это своеобразие его авторского стиля оказалось востребованным, получило поддержку и развитие. При монастыре он прожил многие годы, не являясь иноком и выполняя книжную работу. Рукописи, созданные мастером для руководителей Троицкой обители, представляют собой произведения высокого искусства.

В 1618 — начале (до мая) 1619 г. Гаврила создает масштабную рукопись (более 900 листов) *Псалтыри с воследованием* для келаря Авраамия Палицына, выдающегося деятеля эпохи смутного времени и писателя (табл. 1, № 27). В ней, прежде всего, поражает качеством художественного исполнения миниатюра с изображением царя Давида на золотом фоне (рис. 19). Здесь весьма возможно участие Фёдора Басова как знаменщика государевых иконописцев. Отметим и обилие орнамента и красок, изящность рисунка титульного листа, заключенного в рамку (рис. 20). Подобным образом украшено начало нескольких крупных разделов. В книге также более 50 листов с красочными заставками и «полевыми цветами». Стремясь не повториться, мастер иногда прибегал к сочетанию в одной заставке орнаментов различных стилей, в том числе с нанесением тонких узорных росписей белилами по цветному полю составляющих заставку элементов (см. табл. 5). Последний художественный прием, употреблявшийся книгописцами монастыря на протяжении всего XVI в., он, вероятно, здесь и

освоил. Рукопись изобилует также большими красочными инициалами в сочетании с «цветами» на полях перед малыми разделами, кафизмами. Вязь, подзаголовки, большие и малые буквы в тексте выписаны золотом. В самой книге нет какого-либо послесловия или писцовой записи, но составители описей монастырской библиотеки обязательно указывали имя писца этого великолепного сборника (последнее упоминание в Описи 1701 г. [10, с. 272], явно составленной на основе более ранних).

Следующей книгой, по нашему мнению, украшенной Гаврилой, является *Стихирарь певческий*, написанный знаменитым уставщиком и головщиком монастырского хора, а также мастером-распевщиком Логиним Шишеловым (табл. 1, № 28) [о нем, напр., см.: 36, с. 92—103]. В данной рукописи, широко известной исследователям, помещены стихиры в честь Митрополита всея Руси Петра и Владимирской иконы Богородицы, приписываемые авторству царя Ивана Грозного. В записи самого писца говорится, что Стихирарь — «списание трудолюбиво многогрешного инока Логгина domestика» (л. 458). Так Логин свидетельствует, что сборник писался им в Троице-Сергиевском монастыре, когда он был уже руководителем хора, именуемым на Руси с древнейших времен греческим словом «доместик». Эту должность он занял после смерти его друга уставщика Филарета в 1619 г. Сам мастер умер в 1624 г. Можно предположить, что Стихирарь написан Логиним между этими датами. Воспользовавшись тем, что в монастыре трудился Гаврила Басов, Логин поспешил украсить свою рукопись. Художник заставками, «полевыми цветами» и инициалами украсил всего три листа (л. 7, 351, 487), но первый из них, титульный лист книги, выполнил особенно роскошно с применением красок и золота и заполнением полей орнаментированными изображениями ветвей-цветов [см.: 35, с. 54].

Пожалуй, одним из самых замечательных творений книжно-рукописного искусства с участием Гаврилы Басова стала лицевая книга *Житие и подвиги преп. Зосимы и Савватия Соловецких* (табл. 1, № 29). Рукопись создавалась в 1623 г. «снисканием и повелением» нового келаря Александра Булатникова, который «книгописателя и живописцы призвах и понудих на дело». В тексте послесловия Александр укажет, что сам государь патриарх Филарет «из своея светительския казны Книгу знаменную соловецких чудотворцов и знаменщика от царских иконописцев пожаловал, в помощь нам прислал» (л. 272—273). Таким образом, мастера (книгописец, знаменщик, живописцы) работали, опираясь на «Книгу знаменную», являвшуюся образцом, лицевым подлинником. «Великий старец» Александр был постриженником Соловецкого монастыря [о нём см.: 7], и драгоценная книга предназначалась для вклада в эту обитель.

В качестве «книгописателя», как он о себе сообщает в своем послесловии, келарь призвал «мало ученаго в разуме, явнаго грешника и оставленаго бедника Гаврила прозванием Иванка Басова, скластника, рекше ученика». Далее он уточняет, что «в чину учащихся» пребывает для постижения «Божественных писаний» (л. 275—276). Гаврилой

были выполнены все письменные работы, включая заголовки и надписи золотом или киноварью в миниатюрах («в иконах, и в венцах, и в порфирах, и святым в подписях»). Заставки и украшения на полях также типичны для его творчества (рис. 22), но встречаются и строгие чернофонные лишь с обводкой деталей золотом.

К сожалению, в послесловии не названо имя знаменщика, того, кто подготавливал для живописцев рисунки 235 миниатюр, расположенных в тексте и повествующих о жизни и чудесах соловецких святых. В книге имеются и крупные изображения, например, преп. Зосимы и Савватия (рис. 21), Соловецкого монастыря с его стенами и храмами (л. 16 об.). Высокий уровень художественных работ рисовальщика проступает и в завершающей прорисовке пером ликов, одежд, строений вслед за нанесением красок «живописцами». Фёдор Басов как знаменщик, скорее всего, в этих работах не участвовал, так как Гаврила обязательно сообщил бы об этом в послесловии (как некогда Стефан с гордостью отметил наличие у своего брата дарования от Бога).

Сохранились и две книги, переписанные Гаврилой (в написании второй из них принял участие и Фёдор) и принадлежавшие самому главе Троицкой обители — архимандриту Дионисию Зобнинскому. Настоятель завещал рукописи монастырю, о чем говорят вкладные записи от 10 июля 1633 г., внесенные после его смерти. Общим своеобразием рукописей является их написание на разновременной, сборной бумаге, но встречается и общая для них бумага.

Особенно велик хронологический разброс филиграней в бумаге первой из книг — *Служебнике с Трехником* (табл. 1, № 29). Т. В. Анисимова предполагает, что Гаврила писал её «в начале XVII в. и спустя 15—20 лет» [10, с. 273]. Действительно, в книге почерк писца меняется несколько раз. Он — то уверенный, твердый, ровный, даже несколько изящный (напоминающий почерк Стефана), то небрежный и более подходящий для черновиков. Причем оба почерка чередуются на протяжении всей второй части сборника, вне зависимости от бумаги (после л. 204). В первой же части книги, *Служебнике*, преобладает первый почерк. Именно эта часть и написана в начале столетия. Несколько заставок напоминают малые заставки тверского Евангелия, но с раскраской. Неожиданно появление на титульном листе (л. 10) заставки, типичной для рукописей, создававшихся мастером для Троице-Сергиева монастыря. Но почерк письма, цвет чернил, более широкое (мягкое) перо свидетельствуют, что этот лист вставной, специально выполненный позже.

Другой заметной особенностью данной части сборника является размещение на нескольких листах заставок в виде оттисков, грубовато подкрашенных с дорисовкой среднего и боковых наверший над рамками (л. 127, 165, 192) или без раскраски (л. 162 об.). Этими заставками выделены важнейшие службы — Литургии. Оттиски сделаны со старых досок-клише, использовавшихся в 1600 г. на Московском печатном дворе мастером Андроником Невежей при издании Минеи общей [ср.: 12, № 155,

Рис. 21. Житие и подвиги преп. Зосимы и Савватия. Рамка, надписи Г. Басова (РНБ. Сол. № 175. Л. 7 об.)

156, 160, 163]. Старые дефектные (без наверхий) доски, после мастера унаследованные и хранившиеся его сыном, стали доступны Гавриле, скорее всего, через его брата Фёдора. Это является еще одним косвенным подтверждением работы Фёдора знаменщиком на Книгопечатном дворе с Иваном Неужиным (1603—1611).

Во второй части рукописи, Требнике, мы не обнаружили заметных «стыков» в письме в зависимости от датировки бумаги. Единообразно оформление текстов на листах: выдержаны широкие поля, заголовки, инициалы и т. п. За исключением листа, отрывающего новую часть (л. 204), украшенного малой заставкой, близкой малым заставкам тверского Евангелия, на других листах украшения полностью отсутствуют. Кроме того, бумага с филигранями производства рубежа XVI—XVII вв. следует вперемежку с основной и более поздней — начала 1620-х гг. Всё это свидетельствует, что использована старая бумага, залежавшаяся в каких-то хранилищах (может быть, в монастырских) и не нашедшая применения в смутные времена начала XVII в. Все части рукописи, написанные в разное время и в разных обстоятельствах, Гаврила объединил в начале 1620-х гг. для архимандрита Дионисия, только что пережившего суды и унижения, связанные с событиями в ходе исправления и подготовки к печати Служебника. В то же время шло выделение треб из состава этой книги и подготовка первого издания Требника. Воз-

Рис. 22. Житие и подвиги преп. Зосимы и Савватия. Украшения, вязь Г. Басова (РНБ. Сол. № 175. Л. 18)

можно, рукопись Гаврилы отражает определённый этап этой работы¹.

Вторая из книг, принадлежавших архимандриту Дионисию, — *Псалтырь с воследованием и Уставом* — написана около середины 1620-х гг. (табл. 1, № 30). Рукопись, насчитывающая 1098 листов², представляет собой один из лучших образцов художественного творчества братьев Басовых. В Описи монастырской библиотеки за 1701 г. указывается, что эта книга — «письмо Феодора и Ивана Басовых» [10, с. 268—271]³. Ровное, строгое письмо выдержано во всей книге, но в нем, действительно, различается и чередуется два почерка⁴. Заставки и другие украшения выполнены на высоком художественном уровне (рис. 23, 24). Разделы-кафизмы отмечаются крупными расцвеченными инициалами старопечатного орнамента.

¹ Отметим наличие в ней исправлений, зачеркнутых слов, вставок целых предложений и т. п. другим почерком (л. 371 об., 506 об., 600, 694 об. и др.).

² Т. В. Анисимова ошибочно указывает более 2000 листов [10, с. 276].

³ Заметим, что письму Гаврилы в Описи отнесен также Апокалипсис [37, № 15], но, как справедливо отмечает Т. В. Анисимова, здесь нет следов его работы [10, с. 272].

⁴ Почерк Гаврилы: л. 1—12, 228—419 об., 797 об. — 874 об., 929—1098; почерк Фёдора: л. 14—226 об., 420—797 об., 876—928 об.

Рис. 23. Псалтырь с воследованием и Уставом. Письмо Фёдора Басова (РГБ. Ф. 173/1. № 73. Л. 16)

Рис. 24. Псалтырь с воследованием и Уставом. Письмо Гаврилы Басова (РГБ. Ф. 173/1. № 73. Л. 234)

Для нас особенно важно упоминание о совместной работе с Гаврилой в 1620-х гг. при Троице-Сергиевском монастыре его брата Фёдора. В эти же годы Фёдор выполнял и какие-то поручения или работы на московском Печатном дворе [3, с. 158]. Других сведений о нём мы пока не имеем.

В 1630 г. «великий старец» троицкий келарь Александр Булатников повелел начать новое крупное книгописное «дело» — создание рукописи *Пролога*. Сборник вновь был предназначен для вклада в Соловецкий монастырь «по своей душе и по своих родителей будущего ради покоя и вечных благ наслаждения». В послесловии старца, выполненного почерком книгописца, кроме прочего, сообщается о написании Пролога в двух полугодовых частях «в лето 7139-е [1630—1631]» (л. 538—538 об.). Рукопись была завершена до 1 марта 1631 г. (этим днем датирована вкладная запись келаря). Все эти сведения находим в первой книге, содержащей житийные чтения на сентябрь—февраль (таб. 1, № 32). Местонахождение второй книги (март—август) пока не известно. В послесловии самого книгописца, помимо традиционной просьбы не проклинать его за допущенные ошибки и т. п., говорится, что книга Пролога написана «потружением в чернильном писании и в прочих... смиренного диакона инока Гурия, в мирских же пребывающего... Гаврилы Басова, прозванием Иванка» (л. 539). Действительно, Гаврила, кроме чернильного письма вы-

полнил заголовки вязью, подзаголовки и буквицы в тексте золотом, а также тонкие орнаментированные инициалы кинноварью. Перед разделами-месяцами помещены его заставки, инициалы и полевые украшения. Все они выполнены в характерной манере мастера, но более яркими красками в сочетании с золотой орнаментированной окантовкой, что находит аналогии с драгоценными произведениями эмальерного искусства (рис. 25). Украшения на полях несколько отличаются от прежних: большинство из них увенчаны золотыми «флюгерами», в том числе в виде двуглавого орла (рис. 26). Обратим особое внимание на то, что Гаврила ко времени создания рукописи принял не только монашество под именем Гурия, но и был посвящен в духовный сан дьякона великой обители.

Не трудно заметить, что между украшениями тверского Евангелия 1593—1595 гг. и украшениями троицкого Пролога 1630—1631 гг. огромная дистанция. Непрерывно развивая свое творчество, Гаврила Басов достиг высочайшего мастерства в искусстве художественного оформления книги. Очень многое в полууставном письме он перенял от старшего брата Стефана, который, вероятно, и был его первым учителем. На формирование его авторского художественного стиля оказали влияние востребованность и поощрение данного направления (яркое расцвечивание украшений старопечатного орнамента) в Троице-Сергиевом монастыре.

Рис. 25. Пролог. Заставки. 1630—1631 гг.
Гаврила Басов (РНБ. Сол. № 700/808. Л. 198, 284)

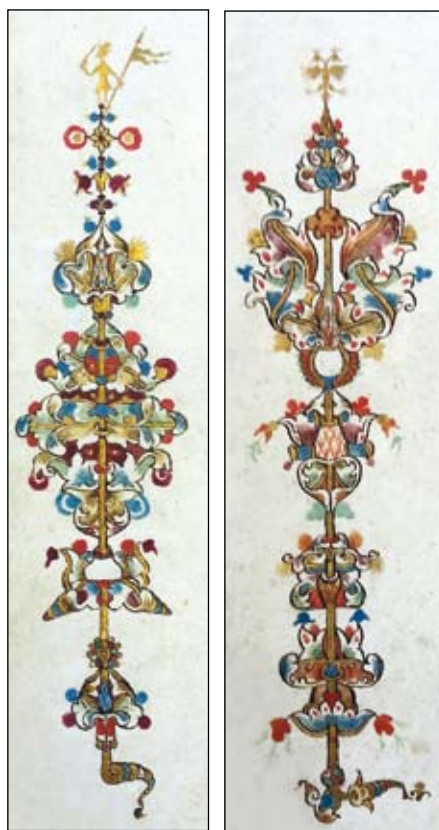

Рис. 26. Пролог. Полевые украшения.
1630—1631 гг. Гаврила Басов
(РНБ. Сол. № 700/808. Л. 284, 379)

Рассматривая на протяжении почти полувека деятельность книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых, мы наблюдали разные этапы в формировании их мастерства. Важно отметить, что творчество каждого из них постепенно приобрело *авторское своеобразие*. Исследование этого своеобразия в канонических искусствах — задача чрезвычайно сложная. В ходе изучения в свете данной проблемы древнерусских музыкально-гимнографических произведений нами разработан особый метод их структурно-формульного анализа [напр.: 38, с. 384—389]. Суть его заключается в том, что в древних музыкальных произведениях авторство мастеров творческих школ в пору расцвета (XVI—XVII вв.) проявлялось прежде всего в особом «прочтении» сложных знаков и формул, которыми записывались данные произведения. Прежде, чем исследовать авторское произведение, мы должны составить сводную «азбуку» его знаков и формул и уяснить различия в их содержании («разводах») по сравнению с другими. Такой метод анализа по-

зволяет получать наиболее точные расшифровку и результаты в исследовании авторских музыкальных произведений канонического искусства.

Но этот метод в определенной модификации может иметь и более широкое применение. В исследованиях орнаментов, состоящих из отдельных элементов, важно выявить, откуда взяты эти элементы и какие из них являются оригинальными, авторскими. К авторскому своеобразию может быть отнесено и структурно-композиционное решение в расположении элементов в орнаментированном украшении. Всё это предполагает большую подготовительную работу к изучению авторского творчества художников-знаменщиков (например, составление хронологических сравнительных таблиц элементов). Сам способ изучения мы бы назвали *элементно-структурным методом* исследования орнаментики. Применение этого метода должно раскрыть нам и суть авторского своеобразия творчества выдающихся мастеров-книгописцев братьев Басовых.

Рукописные книги, выполненные братьями Басовыми или при их участии

№ п. п.	Шифр рукописи	Название	Дата	Филигрань* (основные, общие)	Писец (основной)	Заказчик	Место написания	Примечание
1	ГИМ. Щук. 30. 2°	Псалтырь с воследованием	1585/86	Герб под короной, в картуше: «Clavde Denise»	Гаврила (Иван)	Деомид Дементьев	Москва	Украшения выполнил <i>Фёдор. Стефан</i> вписал послесловие.
2	РГБ. Ф. 98. № 453. 4°	Псалтырь с воследованием и Апостол	1586/87		Стефан	Андрей Шокин	Москва	По свидетельству Стефана, <i>Фёдор</i> вписывал «травы».
3	ГИМ. Син. 524. 4°	Мерило праведное	1586	Герб под короной, в картуше: «MSAVOIS»	Стефан	Митрополит Дионисий	Москва	<i>Гаврила</i> украсил л. 4 и титульный; <i>Фёдор</i> выполнил остальные украшения.
4	ГИМ. Щук. 563. 1°	Архиерейский чиновник**	Ок. 1589	Лев в щите, в картуше: «laques Lebe»	Федор	<i>Н. Г. Строганов</i> ***	Москва	<i>Стефан</i> вписал молитву на поставление митрополита.
5	РГБ. Ф. 256. № 323. 8°	Пролог. Т.2 (март–август)	1589/90		Стефан	Н. Г. Строганов	Москва	<i>Фёдор</i> выполнил украшения. Книга продана после смерти заказчика (1616).
6	РГБ. Ф. 98. № 712. 8°	Триоди (службы на праздники)	Ок. 1590		Федор	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	
7	РГБ. Ф. 247. № 829. 8°	Миней (сентябрь — ноябрь)	Нач. 1590-х		Федор	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Дана вкладом в 1688 г. А. Н. Строгановой в Можайский мон.
8	ГИМ. Увар. 15. 8°	Миней (сентябрь – ноябрь)	Ок. 1592	Колонны витые под короной, в картуше: «Richard» или «Revel»	Федор	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Принадлежала А. С. Строганову (1581—1649).
9	РГБ. Ф. 98. № 1114. 16°	Триоди (службы на воскресные дни)	Нач. 1590-х		Федор	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	
10	РГАДА. Ф. 196. № 1109. 8°	Торжественник минейный	Нач. 1590-х		Стефан	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Украшена <i>Фёдором</i> . Дана вкладом после смерти Н. Г. Строганова (1616).
11	ГИМ. Муз. 3441. 2°	Евангелие	1593—1595	(Датируется по послесловию)	«Иван» (Гаврила)	И. Г. Репьев	Тверь	Для тверской церкви писал «под своим кровом» по заказу.
12	РНБ. КБ. № 586/843. 4°	Стихирарь певческий	1590-е	(Датируются включением песнопений царю Фёдорову Ивановичу, патриарху, новым праздничным службам)	Писцы Строгановской мастерской	<i>Строгановы</i>	?	<i>Фёдор</i> выполнил украшения.
13	ГРМ. Др. Гр. № 19. 4°	Ирмологий певческий	1590-е			<i>Строгановы</i>	?	<i>Фёдор</i> выполнил украшения.
14	БРАН. Строг. № 44. 2°	Стихирарь певческий	1590-е			<i>Строгановы</i>	?	<i>Фёдор</i> выполнил украшения на вклеенных листах в начале 1600-х гг.
15	РГБ. Ф. 98. № 523. 8°	Псалтырь толковая. Т. 4 (каф. 16—20)	1602	1. Виноград под короной с литерами СВ 2. Лев идущий	Стефан	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Книга продана после смерти её владельца (1616).
16	РГБ. Ф. 98. № 575. 8°	Псалтырь толковая. Т. 2 (каф. 6—10)	1603—1604		Стефан	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Книга продана после смерти её владельца (1616).
17	СПБООИ. Ф. 115. № 160. 4°	Книгописный подлинник («Азбука»)	Нач. XVII в., 1604		Федор	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Книга дополнена в Сольвычегодске в ноябре 1604 г. Продана после смерти заказчика (1616).

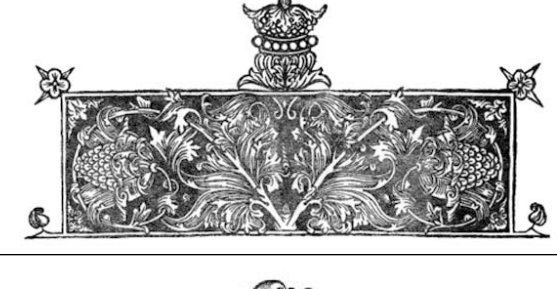

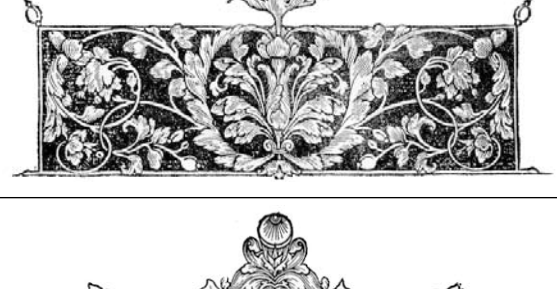
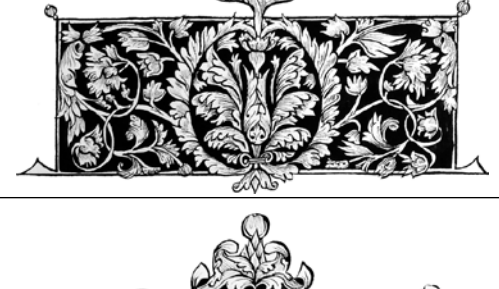
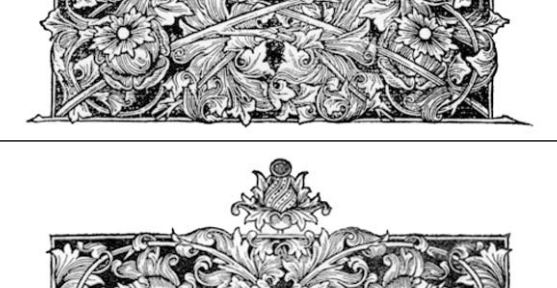

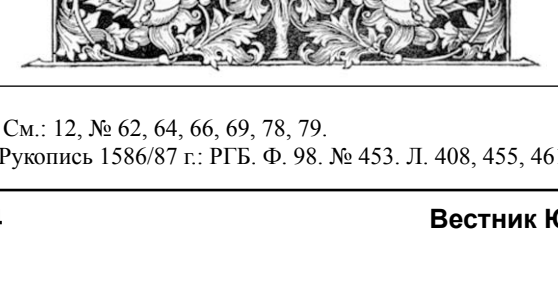
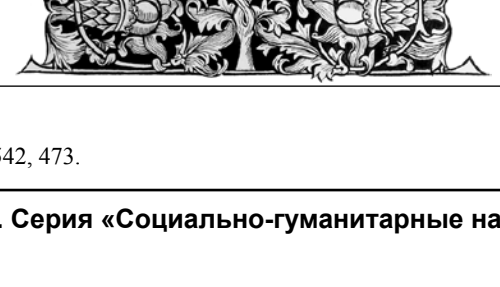
№ п. п.	Шифр рукописи	Название	Дата	Филигрань* (основные, общие)	Писец (основной)	Заказчик	Место написания	Примечание
18	РГБ. Ф. 904 № 8. 8°	Минейя, январь	1605		Стефан	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Содержит Многолетие «архиепископу» Ростовскому. Продана после смерти владельца (1616).
19	РГБ. Ф. 98. № 530. 8°	Минейя, апрель	1606		Стефан	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Книга продана после смерти её владельца (1616).
20	РГБ. Ф. 98. № 2057. 8°	Минейя, май	1606		Стефан	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Книга продана после смерти её владельца (1616).
21	РГАДА. Ф. 187. № 80. 8°	Торжественник триодный	Нач. XVII в.		Стефан	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Книга продана после смерти её владельца (1616).
22	РГБ. Ф. 98. № 574. 8°	Апостол Толковый (пер. Максима Грека)	Нач. XVII в.		Стефан	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Книга продана после смерти её владельца (1616).
23	РГБ. Ф. 98. № 439. 16°	Часослов	Нач. XVII в.		Стефан	<i>Н. Г. Строганов</i>	?	Книга продана после смерти её владельца (1616).
24	ГИМ. Щук. 51. 8°	Праздники и Октоих певческие	Ок. 1605— 1606	Мачта с флагом	Стефан (Строгановская мастерская)	<i>А. С. Строганов</i>	?	<i>Стефан</i> выполнил украшения. Принадлежала Строгановым.
25	8°	Евангелие	1608		Гаврила («Иван»)	Казначей Иосиф Девочкин	Троице- Сергиев мон.	Выставлялась на аукционе Сотбис (Т. В. Анисимова)
26	РГБ. Ф. 304. № 259. 4°	Богородичник	XVI в.; до фев. 1613		Стефан (л. 1—1 об., заставка)		?	Фёдор продал книгу сыну казначея Троице-Серг. мон. (9.02.1613)
27	РГБ. Ф. 173/1. № 137. 4°	Псалтырь с вос- следованием	1618— 1619 (до мая)	Три короны, в картуше: «Oradovr»; и др.	Гаврила («Иван»)	Келарь Авраамий Палицын	Троице- Сергиев мон.	В описи книг 1701 г. писцом указан «Иван». Возможно участие Фёдора (миниатюра).
28	СПМЗ, № 274, 2°	Стихирарь певческий	1619— 1624		Логин, Гавриала (Иван)	Уставщик Логин Ши- шелов	Троице- Сергиев мон..	Гаврила выполнил украшения (л. 7, 351, 487).
29	РНБ. Солов. № 175. 2°	Житие и подвиги преп. Зосимы и Савватия со- ловецких	1623	Лилия в щите, лите- ры М и Р; и др.	Гаврила (Иван)	Келарь Александр Булатников	Троице- Сергиев мон.	Книга написана при участии царских иконописцев, знаменщика и «живописцев».
30	РГБ. Ф. 173/1. № 183. 4°	Служебник с Требником	Нач. XVII в.; нач. 1620-х	Кувшинчик одноручный с литерами O/GR	Гаврила («Иван»)	Архим. Дионисий Зобнинов- ский	Троице- Сергиев мон.	В описи книг 1701 г. писцом указан «Иван».
31	РГБ. Ф. 173/1. № 73. 2°	Псалтырь с вос- следованием и Уставом	1620-е		Фёдор, Гаврила («Иван»)	Архим. Дионисий Зобни- новский	Троице- Сергиев мон.	В описи книг 1701 г. как писцы указаны Фёдор и «Иван».
32	РНБ. Солов. № 700/808	Пролог (сентябрь — февраль)	1630— 1631		Гаврила (Иван)	Келарь Александр Булатников	Троице- Сергиев мон.	Гаврила называет себя иноком Гурием, дьяконом.

* В таблице приняты определения филиграней и точные даты (не упоминаемые в послесловиях и записях писцов), установленные Т. В. Анисимовой для рукописей, кроме певческих.

** Жирным шрифтом выделены книги, связанные со Строгановыми.

*** Курсивом указан наиболее вероятный вариант, прямые данные отсутствуют.

Примеры выполнения заставок Фёдором Басовым в 1586/87 г.
по образцу заставок печатного Апостола Ивана Фёдорова (Москва, 1564)

1. Заставки в Апостоле Ивана Фёдорова*	2. Заставки, выполненные Фёдором Басовым**
	
	
	
	
	
	

* См.: 12, № 62, 64, 66, 69, 78, 79.

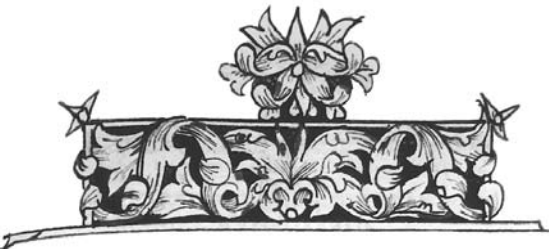
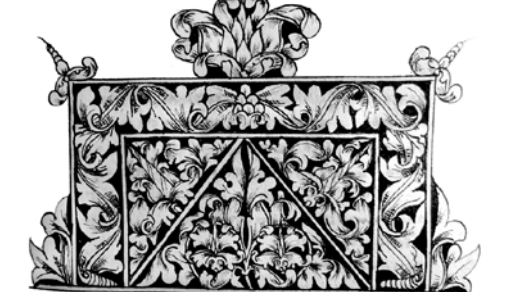

** Рукопись 1586/87 г.: РГБ. Ф. 98. № 453. Л. 408, 455, 461, 479, 542, 473.

Заставки Фёдора Басова (1586/87 г.)*

1. Комбинации элементов заставок Апостола Ивана Фёдорова	2. Заставки с добавлением изображений птиц и зверей
	
	
	
	
	

* Заставки приведены из рукописи РГБ. Ф. 98. № 453: 1 — Л. 42, 123, 197, 481, 507; 2 — Л. 294, 585, 590, 593, 611.

Заставки Стефана Басова

<p>Апостол толковый, нач. XVII в. (РГБ. Ф. 98. № 574. Л. 226, 328, 325, 337, 670, 807)</p>	<p>Часослов, нач. XVII в. (РГБ. Ф. 98. № 439. Л. 1, 9, 42, 63, 71, 90)</p>
	
	
	
	
	
	

Заставки Гаврилы (Ивана) Басова

Псалтырь, ок. 1619 г. (РГБ. Ф. 173/1. № 137. Л. 668, 696, 854, 716, 728, 735, 900)	Псалтырь и Устав, 1620-е гг.* (РГБ. Ф. 173/1. № 73. Л. 234, 615, 569, 96, 915, 876)
	
	
	
	
	
	

* Рисунок некоторых заставок, возможно, выполнил Фёдор (л. 96, 228, 234, 569, 728 и др.), расцветка Гаврилы.

Литература и источники

1. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея / сост. А. Х. Востоков. — СПб., 1842.
2. Государственный Румянцевский музей. I. Библиотека. — М., 1923.
3. Сидоров, А. А. Древнерусская книжная гравюра / А. А. Сидоров. — М.: Изд. АН СССР, 1951.
4. Введенский, А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. / А. А. Введенский. — М.: Соц-эк. лит., 1962.
5. Парфентьев, Н. П. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI—XVII вв. / Н. П. Парфентьев, Н. В. Парфентьева. — Челябинск: Книга, 1993.
6. Маркелов, Г. В. Книгописный подлинник Строгановых 1604 г. / Г. В. Маркелов // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. — Т. 54. — СПб., 2003. — С. 684—699.
7. Панченко, О. В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: троцкий келарь Александр Булатников // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. — Т. 55. — СПб., 2004. — С. 488—507.
8. Анисимова, Т. В. Рукописи московских писцов братьев Басовых (80-е годы XVI — начало XVII в.) / Т. В. Анисимова // От Средневековья к Новому времени: сб. ст. в честь О. А. Белобровой. — М.: Индрик, 2006. — С. 587—608.
9. Парфентьев, Н. П. О строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI—XVII вв. / Н. П. Парфентьев // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. — Вып. 10. — Челябинск: ЮУрГУ, 2008. — С. 43—62.
10. Анисимова, Т. В. О новонайденных рукописях строгановских писцов братьев Басовых / Т. В. Анисимова // История библиотек: исследования, материалы, документы. — Вып. 8. — СПб.: РНБ, 2010. — С. 264—277.
11. ГИМ. Муз. № 3441.
12. Зернова, А. С. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII вв.: альбом / А. С. Зернова. — М.: ГБЛ, 1952.
13. РГБ. Ф. 98. № 453. Л. 162, 590, 611.
14. Скрынников, Р. Г. Борис Годунов / Р. Г. Скрынников. — М.: Наука, 1983.
15. Опись библиотеки Н. Г. Строганова 1620 г. / сост. Н. А. Мудрова, Б. Н. Морозов. — Екатеринбург, 1991.
16. Иконы строгановских вотчин XVI—XVII вв.: каталог-альбом. — М., 2003.
17. Строгановский иконописный подлинник (конец XVI — начало XVII в.). — М., 1869.
18. ГИМ. Единоз. № 37. Л. 64 об.
19. РНБ. Погод. № 380. Л. 704.
20. Строев, П. М. Описание старопечатных книг... Ивана Никитича Царского / П. М. Строев. — М., 1836.
21. Белобородов, С. А. Новое об изданиях Нижегородской типографии в 1613 г. / С. А. Белобородов, И. В. Починская, А. Г. Мосин, Н. А. Борисенко // Ежегодник НИИ Русской культуры, 1994. — Екатеринбург: УрГУ, 1995. — С. 4—22.
22. Русская историческая библиотека. — Т. 2. — СПб., 1875.
23. Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг. — М., 1911.
24. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией. — Т. 2. — СПб., 1836.
25. Платонов, С. Ф. Очерки смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. / С. Ф. Платонов. — СПб., 1910.
26. Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук / под ред. Н. А. Попова. — Т. 1. — СПб., 1890.
27. Зернова, А. С. Памятник нижегородской печати 1613 г. / А. С. Зернова // Сборник Публ. б-ки им. В. И. Ленина. — Вып. 1. — М., 1928. — С. 57—98.
28. РГБ. Ф. 304. № 259.
29. РГБ. Ф. 304. № 484.
30. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 199.
31. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 203.
32. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 204.
33. Викторова, А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов / А. Е. Викторова. — Т. 1. — М., 1877.
34. РНБ, собр. Погодина, № 1570.
35. Парфентьев, Н. П. Музыкально-гимнографическое творчество царя Ивана Грозного / Н. П. Парфентьев // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. — Вып. 1. — Челябинск: ЮУрГУ, 2014. С. 51—59.
36. Парфентьева, Н. В. О деятельности мастеров Троице-Сергиевского монастыря в области древнерусского музыкального искусства (на примере творчества Логина Шишелова) / Н. В. Парфентьева, Н. П. Парфентьев // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. — Вып. 1. — Челябинск: ЮУрГУ, 2013. — С. 92—103.
37. РГБ. Ф. 173/1. № 15.
38. Parfentjev, N. P. On the Structural-Formula Method of Researching Ancient Russian Chants as Musical-Written Art / N. P. Parfentjev, N. V. Parfentjeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. 2008. — V. 1 (3). — P. 384—389.

ПАРФЕНТЬЕВ Николай Павлович, заведующий кафедрой искусствоведения и культурологии, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), доктор исторических наук, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Автор более 100 научных трудов, в том числе 6 монографий, в области истории духовной культуры России и древнерусского искусства. E-mail: parfentevnp@susu.ac.ru

Поступила в редакцию 04 августа 2014 г.

**BROTHERS BASOV'S ART AS SCRIBES OF BOOKS
AND DRAWING-ARTISTS (1580—1630 YEARS)**

N. P. Parfentiev, South Ural State University, Cheliabinsk, Russian Federation,
parfentevnp@susu.ac.ru

Creativity of ancient-Russian scribes of handwritten books and draughtsmen of book miniatures-headpieces often dissolves in a complex work, requiring the participation of other masters. The level of drawing-artists' skill can be judged primarily on bookish heritage. The author reveals the activity of brothers Basov who created true masterpieces of handwriting book art.

Keywords: *ancient Russian manuscript books and art, creativity of scribes of books and draughtsmen of book headpieces, Stefan Basov, Feodor Basov, Gavril (Ivan) Basov.*

References

1. Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisey Rummyantsevskogo muzeuma [Description of Russian and Slavonic manuscripts of Rummyantsev Muzeum] / Sost. A. Vostokov. St. Petersburg, 1842.
2. Gosudarstvennyi Rummyantsevskiy muzey. 1. Biblioteka. [State Rummyantsev Museum. 1. Library]. Moscow, 1923.
3. Sidorov A.A. Drevnerusskaya knizhnaya gravюра [Old Russian book engraving]. Moscow, 1951.
4. Vvedenskiy A.A. Dom Stroganovykh v XVI—XVII vv. [Stroganov's House in 16th — 17th centuries]. Moscow, 1962.
5. Parfentiev, N.P., Parfentyeva, N.V. Usol'skaya (Stroganovskaya) shkola v russkoy muzike XVI—XVII vv. [Usol'skaya (Stroganov) Russian music school in 16th — 17th centuries]. Chelyabinsk, 1993.
6. Markelov G.V. Knigopisnyi podlinnik Stroganovykh 1604 g. [Stroganov's original of manuscript books 1604]. *Trudy Otdela Drevnerusskoy literatury Instituta Russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) Rossiyskoy Akademii Nauk. [Treatises of the Ancient literature department of the Russian literature institute (Pushkin house) of Russian Academy of Sciences]*. St. Petersburg, 2003, v. 54, pp. 684—699.
7. Panchenko O.V. Iz istorii kulturnykh svyazey Solovetskogo i Troitskogo monastyrey v pervoy polovine XVII v.: troitskiy kelar Alexandr Bulatnikov [From the history of cultural relations Solovetsky and Trinity-Sergius monasteries in the first half of the 17th century: Trinity cellarer Alexander Bulatnikov]. *Trudy Otdela Drevnerusskoy literatury Instituta Russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) Rossiyskoy Akademii Nauk. [Treatises of the Ancient literature department of the Russian literature institute (Pushkin house) of Russian Academy of Sciences]*. St. Petersburg, 2004, v. 55, pp. 488—507.
8. Anisimova T.V. Rukopisi moskovskikh pistorov brat'ev Basovykh (80-e gody XVI — nachalo XVII v.) [Manuscripts of Moscow scribes brothers Basov (80-years of 16th — early 17th centuries)]. *Ot Srednevekoviya k Novomu vreveni: sb. nauch. st [From the Middle Ages to modern times: collection of articles]*. Moscow, 2006. pp. 587—608.
9. Parfentiev N.P. O stroganovskoy masterskoy knizhno-rukopisnogo iskusstva XVI—XVII vv. [About Stroganov's workshop of manuscript art 16th — 17th centuries]. *Vestnik UUrGU. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social sciences and humanities]*. Chelyabinsk, 2008, v.10, pp. 43—62.
10. Anisimova T.V. O novonaydennykh rukopisyakh stroganovskikh pistorov brat'ev Basovykh [About the newly discovered manuscripts of Stroganov scribes brothers Basov]. *Istoriya bibliotek: issledovaniya, materialy, dokumenty [History of Libraries: research, materials, and documents]*. St. Petersburg, 2010, v. 8, pp. 264—277.
11. GIM [State Historical Museum, Moscow], Muz. № 3441.
12. Zernova A.S. Ornamentika knig moskovskoi pechati XVI—XVII vv. Albom [Ornamentation of Moscow printing books 16th — 17th centuries. Album]. Moscow, 1952.
13. RGB [Russian State Library, Moscow]. Holding 98. № 453.
14. Skrynnikov R.G. Boris Godunov. Moscow, 1983.
15. Opis' biblioteki N.G. Stroganova 1620 g. [Inventory of N.G. Stroganov's Library 1620 year]. Publ. N.A. Mudrova, B.N. Morozov. Ekaterinburg, 1991.
16. Ikony stroganovskikh votchin XVI—XVII vv.: Katalog-Albom. [Icons of Stroganov estates 16th—17th centuries.: Catalog-Album.]. Moscow, 2003.
17. Stroganovskiy ikonopisnyi podlinnik (konets XVI—nachalo XVII v.) [Stroganov's iconic original (end of 16th — early 17th century)]. Moscow, 1869.
18. GIM [State Historical Museum, Moscow], Edinov. №37.
19. RNB [Russian National Library, St. Petersburg]. Pogodin, № 380.
20. Stroev P.M. Opisanie staropechatnykh knig slavyanskikh... Ivana Nikiticha Tsarskogo [Description of Slavonic ancient books printing... by Ivan Nikitich Tsarskiy]. Moscow, 1836.
21. Beloborodov S.A., Pochinskaya I.V., Mosin A.G., Borisenko N.A. Novoe ob izdaniyakh Nizhegorodskoy tipografii v 1613 g. [New editions of the Nizhny Novgorod typography in 1613]. *Ezhegodnik NII Russkoy kultury, 1994 [Yearbook Russian Research Institute of Culture, 1994]*. Ekaterinburg, 1995, pp. 4—22.
22. Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library.]. St. Petersburg, 1875, v. 2.
23. Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva. 1604—1613 gg. [Time of Troubles Muscovy. 1604—1613]. Moscow, 1911.
24. Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arheograficheskoy ekspeditsiyey [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by Archaeographic expedition.]. St. Petersburg, 1836, v. 2.

25. Platonov S.F. Ocherki smuty v Moskovskom gosudarstve XVI—XVII vv. [Essays Time of Troubles in Muscovy 16th — 17th centuries]. St. Petersburg, 1910.
26. Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye imp. Akademiei Nauk [Acts of the Moscow State issued imp. Academy of Sciences]. Izd. N.A. Popov. St. Petersburg, 1890, v. 1.
27. Zernova A.S. Pamyatnik nizhegorodskoy pechaty 1613 g. [Edition of Nizhny Novgorod printing 1613]. *Sbornik Publichnoy biblioteki im. V.I. Lenina* [Collection of the Public Library. V.I. Lenin]. Moscow, 1928. Issue. 1. pp. 57—98.
28. RGB [Russian State Library, Moscow]. Holding 304. № 259.
29. RGB [Russian State Library, Moscow]. Holding 304. № 484.
30. RGADA [Russian State Archives of Ancient Acts]. Holding 396. Inv. 2. № 199.
31. RGADA [Russian State Archives of Ancient Acts]. Holding 396. Inv. 2. № 203.
32. RGADA [Russian State Archives of Ancient Acts]. Holding 396. Inv. 2. № 204.
33. Viktorov A. Opisanie zapisnykh knig I bumag starinnykh dvortsovykh prikazov [Description of note-books and papers of ancient palace office]. Moscow, 1877, v. 1.
34. RNB [Russian National Library, St. Petersburg]. Pogodin, № 1570.
35. Parfentiev N.P. Muzikal'no-gimnograficheskoe tvorchestvo tsarya Ivana Groznogo [Music and hymnography creation of Ivan the Terrible]. *Vestnik UUrGU. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social sciences and humanities]. Chelyabinsk, 2014, v. 1, pp. 92—103.
36. Parfenteva N.V., Parfentiev N.P. O deyatelnosti masterov Troitse-Sergievskego monastyrya v oblasti drevnerusskogo muzikal'nogo iskusstva (na primere tvorchestva Logina Shishelova) [About Trinity Sergius monastery masters' activity in the field of old Russian art (on example of the Login Shishelov's creative work)]. *Vestnik UUrGU. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social sciences and humanities]. Chelyabinsk, 2013, v. 1, pp. 92—103.
37. RGB [Russian State Library, Moscow]. Holding. 173/1. № 15.
38. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. On the Structural-Formula Method of Researching Ancient Russian Chants as Musical-Written Art // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences*, 2008, v. 1 (3), pp. 384—389.

Received August 4, 2014